

№7

июль 2025

РУССКИЙ КЛУБ

55

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7 (237)
июль 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 8 В ДАР ГРУЗИИ
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
- 10 ПЛАНЕТА РКИ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ
АЛЕНА ДЕНЯГА
СВЕТЛАНА СИНАТАШВИЛИ
- 16 «ЕВРАЗИЯ-КИНОФЕСТ» ЗАЖИГАЕТ!
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 22 ПОДАРОК ИЗ ТЕГЕРАНА
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 24 НЕОБЫКНОВЕННАЯ «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 27 ПАМЯТЬ
НИКО ГОМЕЛАУРИ
- 28 МОГИЛЬЩИК
ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ
ПЕРЕВОД ПАОЛЫ УРУШАДЗЕ
- 30 СТАЛИН
ДЭВИ СТУРУА
- 34 БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 37 БУДЕМ ЖИТЬ!
- 38 САНИТАРКА, ПАРТИЗАНКА, СОРАТНИЦА
НИНО МЧЕДЛИШВИЛИ
- 40 «СВЕТ И ГОРЕЧЬ БЫТИЯ...»
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 42 НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
- 43 ДОРОГОЙ, ВСЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ!
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 46 ТАЙНЫ ГРУЗИНСКОЙ СТАРИНЫ
ЮЛИЯ ТАНАКОВА
- 50 «РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»
НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
- 55 ОН ВЕРИЛ В МАГИЮ СПЕКТАКЛЯ
АНАТОЛИЙ СМЕЛЯНСКИЙ

На обложке – НИКО ГОМЕЛАУРИ

Фото: National Library of Georgia

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ДОЛГИЙ ШЕСТНАДЦАТЫЙ...

В истории человечества бывали разные времена от древности с цивилизациями Египта и Междуречья или античности с классической Грецией, афинской демократией, Гомером, Аристотелем и Александром Македонским и Римом Юлия Цезаря, Цицерона, Марка Аврелия до раннего Средневековья с падением Вечного города, нашествием готов и Атиллы, нибелунгами и королем Артуром до темных веков, когда произошел закат привычного мира. И снова наступила весна человечества, пробуждение от спячки и создание новых государственных образований. Даже грозный период крестовых походов, агрессивного буйства юной Европы, принес настоящий прогресс, развитие наук и ремесел, проникновение развитой восточной культуры в быт. А после и вовсе начался Ренессанс — эпоха Возрождения. Но вот наступил настоящий исторический перелом. И случился великий и неоднозначный «Долгий шестнадцатый век». Почему долгий? Да потому, что длился он без малого два календарных века. Его начало отсчитывают от весны 1450 года. И продлился он аж до сороковых годов 17-го. Традиционно считают, что его завершение началось с Утрехтским миром 1617 года и после еще два десятка лет шло по инерции.

Почему он так важен? Именно в этот период произошли наиважнейшие события, повернувшие ход истории современной цивилизации:

Падение Константинополя в 1453 году. Когда турки-османы Мехмета II Завоевателя окончательно добились великую Византийскую империю. А после вытеснили венецианские и генуэзские торговые флоты из Средиземного моря, и европейцам пришлось искать новые торговые пути.

Так началась эра Великих географических открытий Колумба, Магеллана, Кабота и Васко да Гама. Были проложены новые морские пути, а после произошла колонизация в Америке, Азии и Африке.

Продолжилась Эпоха Высокого Возрождения с ее великими творцами, художниками, учеными и литераторами.

А главное, произошла Реформация — религиозное движение Мартина Лютера и Жана Кальвина, расколовшее мир католической церкви и приведшее к появлению протестантских церквей. И начались религиозные войны по всей Европе.

Но главное — появление капитализма. Развитие товарно-денежных отношений, накопление капитала и рост банковской системы.

Очень трудно перечислить всех великих деятелей и монархов этого важнейшего периода европейской и мировой истории — художников Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, писателей Шекспира, Лопе де Вега, Даниэля Дефо, Свифта, королей Генриха IV, Елизавету I и Сулеймана Великолепного или кардинала Ришелье и римского папу Александра VI с его семейкой. К ним мы будем периодически возвращаться в нашей работе. А пока упомянем некоторых интересных, хотя и не основных, исторических персонажей.

ПРОФЕССИЯ: ДУРАК И ШУТ

Шут у трона короля. Мы все читали и слышали о таких приближенных монархов — слуг-не слуг, артистов-не артистов, приятелей-не приятелей, но настоящих спутников венценосных особ или просто богатых людей. В истории и литературе сложился романтический образ королевского шута — человека, который мог высмеивать, кривляться, а то и говорить правду под видом шутки, в общем, развлекать утомленного управлением страной человека. Чаще всего — это были убогие люди, уродцы или карлики. Но случались и весьма интересные персонажи, разделявшие быт и судьбу своих повелителей. Мы все помним шута

несчастливого короля Лира из великой трагедии Шекспира. Или жуткого шута — интригана и убийцу из романа Пера Лагерквиста, или убитого горем Риголетто из книги Виктора Гюго «Король развлекается», по которой написал свою бессмертную оперу Джузеппе Верди. Кстати, прототипом этого шута был вполне реальный человек по имени Трибуле, служивший королям Франциску I и Людовику XII. И у нашего царя Петра I были свои любимцы — уроженец Гамбурга Ян Лакоста, кстати, знавший шесть языков, и, конечно, знаменитый шут Иван Балакирев. Но сегодня мы вспомним еще одного литературного персонажа. Он стал действующим лицом романа Александра Дюма-отца «Графиня де Монсоро» — это знаменитый шут Шико. Его прозвище означает «обломок сломанного зуба», а на самом деле Шико звали Жан-Антуан д'Англе, рожденный в конце весны 1540 года. И на шута в пестрой одежде и колпаке с бубенцами он был совсем не похож. Он отказался от всех дурацких причудах, одевался как дворянин и был вовсе не низкорослым или убогим — это был высокий худощавый мужчина-воин. И был он собеседником короля, развлекавшим его классными шутками. Бывают в компаниях молодых людей такие великолепные хохмачи, насмешники и балагуры, развлекающие уморительными шутками и анекдотами. А короли — они тоже люди, и рады посмеяться, даже если день задался хлопотным и не радостным. Шико за словом не лез в карман, был наблюдателен и потрясаяще шутил. О его происхождении известно немного — вроде, один его прадед купил дворянство, а родня по матери известна еще со времен Филиппа Красивого. Но дворянство ему так понравился, что пожаловал король Генрих III, чьим личным другом и наперсником он был, а иногда и советчиком. Звали они друг друга по имени, и любимой

их шуткой было переодеваться друг в друга. Шико, получив официальный титул королевского дурака, обожал усестись на трон и с пафосом пародировать короля, неся при этом абсолютную чушь. Меланхолический Генрих заливался счастливым смехом. А когда этого несчастного монарха зарезал католический монах-фанатик, Шико покинул двор и поселился в своем поместье с женой и детьми. Но, подумав, примкнул к Генриху Наварскому, посчитав того «достойным монархом». И стал он не только шутком, но и воином, Шико ведь и раньше принимал участие в битвах и слыл умелым храбрецом. Но и шуток с королем не оставлял, Генрих Четвертый сам был большим остроумцем. Но закончилась жизнь Шико трагически — в сражении при осаде Руана ему повезло пленить девятнадцатилетнего графа Шалиньи. Будучи благородным человеком, Шико из уважения к знатному пленнику оставил ему шпагу. Войдя в палатку короля, он весело закричал: «Анри, посмотри какой у меня для тебя подарочек!» Но тут молодой гордец схватил свою шпагу и тяжелым эфесом ударил шута по голове. Шико рухнул на ковер. Генрих приказал схватить Шалиньи и склонился над приятелем. Шико перед смертью успел прохрипеть: «Друг, отпусти без выкупа этого юнца. Он просто молодой дурак. Твой старый дурак умирает, пусть останутся на свете другие дураки».

ВОСПЕВШИЙ ГАЛАНТНЫХ ДАМ

«Ох, уж этот Брантом!» — узнав свежие сплетни о его новом романе, вздыхала в притворной досаде «Черная королева» Екатерина Медичи и тут же украдкой улыбалась. Эта страшноватая дама, вдохновительница ужасной Варфоломеевской ночи, очень любила Брантома, баламута и галантного кавалера. Он ее развлекал своими рассказами и байками. Это был изящный придвор-

ный, хоть и не красавец, вовсе не грубый воин-головорез, а утонченный ухажер, добивавшийся внимания и благорасположения многих знатных дам. Брантом был знатоком поэзии и итальянских новелл, которые так любили слушать в его чтении и королева, и ее «летучий отряд» распутных фрейлин, добывавших для своей повелительницы в многочисленных постелях секреты всевозможных политических противников. Но Брантом вовсе не был нежным мороженым, а много воевал. Он, как положено владельцу, пусть и не крупному феодалу, снаряжал свою роту и принимал участие в религиозных гражданских войнах на стороне католиков. А еще он был предан Дому Валуа, хотя и не очень любил короля Карла IX. Но по-настоящему войны он не любил и однажды, доставляя обзор с оружием к своей роте, стоявшей в стане старшего Гиза, запутался в лесу и наткнулся на офицера-гугенота, с которым был хорошо знаком и даже был соперником в любви к одной прекрасной даме. Военные противники драться не стали, а ушли на лужайке и устроили пикник из своих скудных припасов. В разговоре Брантом посетовал, что ему надоело воевать, что он потратил свои последние деньги на покупку оружия и не знает, вернут ли их ему. На что гугенот по-приятельски предложил продать ему оружие. Брантом охотно продал и тут же дезертировал. Он вернулся ко Двору, и, представьте, ничего ему за эту аферу не было. Просто человек больше любил прекрасных любовниц, нежели кровь, смерть, клинок и порох. Но времена были мутные, и переждать их наш умник решил в своем скромном замке, где с ним случилось несчастье — упал с лошади, повредил позвоночник и два-три года провел лежа в корсете. Публичная жизнь его навсегда была окончена. Тут-то с ним и произошла метаморфоза: от скуки Брантом стал писателем-мемуаристом. Он написал несколько книг о знаменитых мужчинах Франции, великих полководцах и прекрасных женщинах своего времени. И свой бессмертный труд — «Галантные дамы». В нем он не раскрыл ни одну из своих героинь, называя их только «одна дама». Правда, всех их легко опознать, что добавляло пикантности. Сам он об этом говорил:

«Если я касаюсь некоторых особ, то отнюдь не имею в виду всех, не называя имен затронутых персон и сохраняя покров тайны. Притом их подлинные лица я так хорошо укрываю, что отгадать невозможно, а значит, им никакого позора, ни подозрений от моих слов не последует». И книга получилась скандальной, ее запрещали в разные времена за openness и распущенность. Брантом

приводит ворох анекдотов, сплетен и слухов, и становится ясно, что описываемая эпоха не была изысканной, а отличалась распущенностью нравов и большой вольностью в разговорах. Люди, включая королей и принцесс, смеялись над скабрёзными шутками и любили сами их отпускать. Такова была тогда жизнь, которую в те опасные времена было так легко потерять в любой момент. Посему люди жаждали простых немедленных человеческих наслаждений и радостей и ничего не стеснялись. А прекрасный и веселый писатель Пьер де Бурдей сеньор де Брантом, которому исполняется 485 лет со дня рождения, с доброй улыбкой описал их приключения, постаравшись сохранить их инкогнито и честь. Семей и потомством он так и не обзавелся и был напечатан только после смерти...

ВЕЛИКИЙ И НЕСЧАСТЛИВЫЙ

Этому музыкальному гению не везло всю жизнь — будучи незаурядным пианистом, он «заиграл» руку и не смог выступать. Полюбил талантливую девушку-ученицу и хотел жениться, но ему яростно отказывал ее отец, что создало поначалу большие трудности их маленькой семье. Девушка оказалась гениальной пианисткой и стала европейской знаменитостью, а он... вынужден был никому неизвестным сопровождать ее во всех поездках как муж знаменитости и писавший ей пьесы для фортепиано, где она могла продемонстрировать свою невероятную исполнительскую технику. Его произведения мало кому нравились, хотя их гениальность многие признавали — слишком они были новыми и современными. А потом его жена... увлеклась другим, юным и талантливым. Тот тоже станет великим композитором и будет писать для знаменитой пианистки. Неплохой репертуар складывался у этой дамы.

И наш гений сошел с ума и пытался покончить с собой. Его год держали в клинике для умалишенных, а потом он умер... Как просто описать жизнь великого человека – все так ясно, все так понятно, если позабыть назвать имя этого гения – Роберт Шуман, которому в июне исполнилось 215 лет со дня рождения. Другие действующие лица в драме его жизни – это пианистка Клара Вик-Шуман и композитор Йоганнес Брамс. Но подробную биографию лучше почитать в интернете или просто послушать музыку гениального Шумана.

СИМВОЛ РЫЦАРСКОЙ ДОБЛЕСТИ

Ах, как любили мальчишки прежних времен польский фильм «Пан Володыевский» режиссера Ежи Гофмана! Восхищались героями и их прекрасными подругами, замирали и почти переставали дышать от волнения в момент атаки «крылатых» гусаров. Их пленял блеск сабель и фехтовальное мастерство великолепно поставленных боев. И все как один повторяли польскую поговорку: «Без карабеля – ни с постели», в смысле, сабля у мужчины должна висеть в изголовье кровати. Каждый второй брал палку и учился крутить «восьмерку» воображаемой грозной карабелю, подобно храброму полковнику Михалу Ежи Володыевскому, учившему свою верную жену – красавицу Баську крестовому сабельному бою. А особо увлеченные темой разыскивали одноименный роман и всю трилогию польского классика Генрика Сенкевича и погружались в мир героической и кровавой старины, немного удивляясь тому, что великий украинский гетман Богдан Хмельницкий

и его храбрые запорожские казаки показаны злыми и безжалостными врагами. Так вот, писатель Сенкевич героя, конечно, выдумал, но реальный исторический прототип у отважного полковника был. Это был мелкий небогатый шляхтич по имени Ежи (Юрий) Володыевский, отважный воин Речи Посполитой, герой польско-турецкой войны 1672-1676 годов. Вся его жизнь прошла в сражениях. Он родился в середине лета 1620 года и с юности участвовал во многих военных конфликтах. В составе «летучих» отрядов ходил в глубокие рейды по тылам противника и воевал в хоругов знаменитого полководца и будущего короля Яна Собеского. Володыевский поначалу не был высокопоставленным офицером, но благодаря удачной женитьбе на богатой вдове (он стал ее четвертым мужем) и организаторским талантам жены разбогател. Стал владельцем огромных земельных наделов, поднялся до высоких сфер и попал в блестящее общество польских магнатов и аристократов. Его таланты заметили, и гетман Собеский назначил Володыевского командиром гарнизона важнейшей Камень-Подольской крепости, защищая которую пан Ежи героически погиб при взрыве Черной башни Верхнего замка. Полковник с соратниками отказались принять капитуляцию и взорвали 200 бочек с порохом, предпочтя смерть позорному плену – их было не больше двух тысяч против стотысячного турецкого войска. Таких храбрецов было немного, но подлинным героем и гордостью польского народа пан Володыевский стал все-таки благодаря писателю Генрику Сенкевичу. Он создал идеализированный образ польского рыцаря, воплотивший лучшие черты шляхетского сословия – храбрость, верность долгу, скромность, патриотизм. Так скромный шляхтич, храбрый воин и удачливый землевладелец превратился в национальную легенду, символ рыцарской доблести.

ДОРОЖНЫЕ ЧЕКИ И КРЕДИТНЫЕ КАРТЫ

В последнем десятилетии позапрошлого века, точнее, 7 июля 1890 года, Курьерская служба American Express запатентовала дорожный чек. Это был документ, позволявший по предъявлении получить обозначенную в чеке сумму владельцу – конкретному физическому лицу. А сначала президент компании курьерской службы господин Фарго попал в затруднительное положение. Он с семьей отправился путешествовать по Европе, но их отдых был безнадежно испорчен.

Фарго предусмотрительно запасся кредитными письмами для получения денег в разных европейских банках. И с этим возникло много проблем – банки капризничали и очень неохотно снабжали финансами путешествующего американца. Вернувшись из поездки, разъяренный Фарго потребовал немедленно разработать альтернативу пресловутым кредитным письмам. Так были придуманы знаменитые ныне дорожные чеки. Курьерская служба начала выпускать чеки достоинством 10, 20, 50 и 100\$. В углу этого чека получатель оставлял свой автограф, который ему при получении денег надлежало воспроизвести. Поначалу люди опасались доверять этой новинке, к тому же причина медленного старта была в том, что получить деньги по чеку можно было только в офисах American Express. Но компания решила проблему очень оперативно, заключив контракты с целым рядом банков и гостиниц. И уже через двадцать лет годовой объем продаж дорожных чеков достиг 23-25 миллионов долларов.

Но все новое, как известно, хорошо забытое старое. Люди давно использовали всевозможные способы не возить с собой значительные суммы – в пути из-за войн, разбойников и воров можно было их лишиться. Предтечи денежных чеков были разработаны многими финансистами прошлых веков: от ломбардских и венецианских банкиров до рыцарей-тамплиеров, настоящих гениальных реформаторов банковского дела. Но и они тоже не были первыми в создании платежных поручений. Представьте себе: еще 45 веков назад в древнем ассирийском городе Канише была торговая организация, которая для торговли с Малой Азией использовала свинцовые таблички, на которых были записаны суммы, обязательные к выплате их представителями на местах. Эти таблички были по сути теми же дорожными чеками. И сам процесс был таким же – человек вносил сумму банкиру, а тот выдавал документ, это удостоверяющий. Очень удобно. Не так ли? А сейчас стало еще проще – банковские дебетовые и кредитные карты. Прогресс на месте не стоит!

ЗА МИРАЖОМ

Эту землю видели многие. В 1811 году загадочный полярный остров-призрак на горизонте наблюдал добывавший песка на северных берегах Новосибирских островов зверопромышленник Яков Санников, очень опытный и бывалый человек. Позже и знаменитый путешественник Петр Анжу писал, что видел некий мираж. О существовании неведомой земли в Северном Ледовитом океане подозревали многие, наблюдая за птицами, летевшими на север и возвращавшимися с птенцами. Это было логично, ведь птицы не гнездятся на льдинах. И вот наконец в июне 1886 года известный ученый барон Эдуард Толль с северного берега Котельного острова явно различил на горизонте четыре столовые горы и полосу черной земли. По его представлениям, до неизвестного острова было 150-200 км – в Арктике иногда бывали такие исключительные атмосферные условия, позволявшие ясно увидеть сушу так далеко. Толль был убежден, что увидел легендарную Землю Санникова. Этот уроженец Ревеля, выходец из прибалтийских аристократов, посвятил свою жизнь науке и путешествиям. Он искренне верил в существование на севере целого материка, подобного Антарктиде

на юге, и посвятил жизнь полярным исследованиям. И вот, в конце позапрошлого века Толль пробил разрешение и финансирование экспедиции для изучения морских течений в Карском и Восточно-Сибирском морях и поиска новых островов в этой части Арктики, а в случае удачи – открытия «большого материка Арктида». Его поддержали такие авторитетные люди, как знаменитые путешественники Фридьоф Нансен, Эрик Норденшельд, наш адмирал С.О. Макаров и академик Ф.Б. Шмидт. В самом начале июля 1900 года, ровно 125 лет назад, из Кронштадта вышло судно «Заря» с экспедицией Эдуарда Васильевича и направилось в обход Скандинавского полуострова и далее Северным морским путем. И через два года, после двух зимовок на Таймыре, экспедиция добралась до острова Котельный в архипелаге Де-Лонга. Оттуда отважный барон с тремя спутниками решил добраться до острова Беннетта в 60 километрах санно-шлюпочным путем. А забрать их через пару месяцев должна была «Заря». Но шхуна была повреждена и отправлена в бухту Тикси для ремонта. Больше Толля и его спутников никто не видел. Спустя год к ним пробился на шлюпке с небольшой командой его товарищ по экспедиции, морской лейтенант Александр Колчак. Да, тот самый будущий «правитель омский». Но тогда до звания адмирала и роли незадачливого лидера Белого движения было еще далеко, а молодой храбрец был знаменитым полярником, совершившим в экспедициях немало подвигов. Его именем даже назван один из островов. Колчак с товарищами нашел стоянку Толля, собранные им геологические образцы, журналы наблюдений и геодезических измерений, а главное – дневники ученого. Вероятнее всего, Толль со спутниками до последнего ждали прихода шхуны «Заря» и не собирались вставать на зимовку – они не охотились и не запаслись мясом, у них было мало топлива для согрева и топки льда для питья, и они не построили серьезную хижину. Им оставалось только уходить на материк по льдам. Герои не дошли. В отличие от Колчака, который, не потеряв ни одного человека, сумел благополучно вернуться на Большую землю. Но он не стал возвращаться в Петербург для отчета об экспедиции, а прямо с Севера отправился на русско-японскую войну. Свою почетную Константиновскую золотую медаль за полярный подвиг он получит только через несколько лет. Одна любопытная деталь: в первом же населенном пункте далеко на севере его жда-

ла... невеста, свадьбу с которой он отложил, чтобы спасти Толля с друзьями. К сожалению, никакой Земли Санникова нет, это доказали советские полярные летчики в 1938 году. Вероятнее всего, это был ледяной остров из сбившихся вместе кусков торосов и оторвавшегося льда от ледников Аляски, присыпанного землей. Земля Санникова попросту растаяла в конце 19 века.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГАМБУРГЕР

Скажите, что ассоциируется с Америкой? Ответ простой – небоскребы Нью-Йорка, Статуя Свободы, доллар, ковбои, кока-кола, джинсы и... гамбургер. Это, конечно, шутка!

Но в этом месяце мы справляем юбилей именно этого фастфуда.

В небольшом городе Нью-Хейвен 27 июля 1900 года местный гастроном Луи Лессинг продал первый гамбургер. Он вложил в круглую булочку германский бифштекс, добавил соус, вложил листик салата-латук – и все, революция в сфере питания состоялась! Название «гамбургер» произошло от иммигрантов-немцев из Гамбурга, которые привезли традиционный рецепт котлеты. Многие спорят, дескать, у многих народов были подобные бутерброды, но именно у американцев получилось сделать из этого настоящий бум. Причем, до тридцатых годов бургеры не пользовались большой популярностью, а потребители для перекусов больше предпочитали хот-доги, жареную курицу и итальянскую пиццу. Но когда в тридцатых были созданы сети фастфудов, изготовление бургеров поставлено на поток, а сами они продавались по очень небольшой цене, настал звездный час его величества гамбургера. И, невзирая на малую полезность, эта котлетка в булочке с разными добавками продолжает победное шествие по миру.

В ДАР ГРУЗИИ

■ Николай СВЕТИЦКИЙ

Наверное, мы с вами пока еще не осознаем в полной мере масштаб и невосполнимость потери.

Ушел человек, которого не с кем сравнить. Не с кем! Он один такой.

Его вклад в культуру Грузии не просто велик – огромен. И совершенно бескорыстен. Свои творения Церетели передавал родной стране в дар. Безвозмездно! Достаточно назвать «Хроники Грузии», самую знаменитую на сегодня достопримечательность Грузии, которая поражает самое смелое воображение. Исполинский размах! А сколько любви к родине вложено в эту работу, сколько страсти, какое изумительное знание истории!

«Хроники Грузии», как и многие скульптуры, монументы, панно Зураба Церетели, украшающие нашу страну, – это бесценное наследие. Мы обязаны его сохранить.

Убежден: государству необходимо взять на себя ответственность за великие дары великого мастера и самым срочным образом присвоить им статус недвижимых памятников культурного наследия.

Это наш долг. И самое малое, что мы обязаны сделать в память о Мастере.

Хроники Грузии, საქართველოს მატიაზე, грузинский Стоунхендж – так называют этот грандиозный ансамбль монументальных скульптур, который расположен на северной стороне Тбилисского моря и состоит из 16 квадратных колонн из меди, бронзы и камня, высотой в 35 метров каждая. В нижней части колонн изображены сюжеты из Библии, в средней – грузинские святые, цари, поэты, полководцы (всего их – 64), в верхней – сцены праздников, ртвели, сбора урожая. Работа была начата еще в 1985 году – негласно, почти подпольно. И завершена, как гласит памятный знак, в 2009-м. Зураб Церетели потратил на этот проект огромные деньги – из собственных средств. Сегодня это одна из главных достопримечательностей Грузии.

В 1980 году на перекрестке Кахетинского шоссе и дороги к аэропорту была открыта 80-метровая стела «Человек и Солнце».

Памятник Святому Георгию Победоносцу, поражающему дракона. Установлен 23 ноября 2006 года, в праздник Гиоргоба, на площади Свободы в Тбилиси. Высота монумента – 35 метров, самой скульптуры – почти шесть метров.

Памятник А.С. Грибоедову. Открыт 24 декабря 2018 года в Тбилисском государственном русском театре им. А.С. Грибоедова. Полторы тонны бронзы, высота – 2 метра 10 сантиметров.

Памятник Рамазу Чхиквадзе в Парке 9 апреля в Тбилиси. Установлен 20 ноября 2013 года. Великий артист запечатлен в роли Аздака из спектакля Роберта Стурúa «Кавказский меловой круг».

Памятник героям фильма Георгия Данелия «Мимино» и самому режиссеру открылся в старинном тбилисском районе Авлабар 14 октября 2011 года.

Участники тренинга в Тбилиси

ПЛАНЕТА РКИ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

■ Алена ДЕНЯГА

*«Как уст румяных без улыбки,
без грамматической ошибки
я русской речи не люблю».*

А. Пушкин

Весна 2025 года была очень богата на тренинги для русистов. Зачем нужны подобные встречи? – спросите вы. – Что такого-эдакого можно узнать на просторах РКИ (русского как иностранного)? И почему не сидится дома? В сегодняшних реалиях все ответы можно найти в интернете или спросить у ChatGPT, не так ли?

Ан нет. И этот небольшой обзор не послужит тому доказательством.

ТБИЛИСИ

«Современные педагогические практики, активизирующие процесс освоения русского языка учащимися» – так назывался трехдневный тренинг, в котором в апреле этого года приняли участие педагоги-русисты из центральных и отдаленных регионов Грузии. Организаторами выступили АНО «Русская Гуманитарная Миссия» и Секция интересов Российской Федерации при Посольстве Швейцарии в

Грузии.

РГМ представляли заместитель генерального директора Татьяна Орлова и ведущий специалист по продвижению и внешним связям Арсений Пронин. История РГМ началась в 2010 году, и с тех пор среди важных направлений гуманитарной активности осуществляются и образовательные проекты. Это команда сплоченных профессионалов, продвигающих новаторские инициативы.

Участниками тренинга стали 28 педагогов русского языка из Тбилиси и других грузинских городов и сел Грузии (Аспиндза, Ахалцихе, Гори, Дманиси, Зугдиди, Карели, Кондоли, Поти, Рустави и других). А приглашенные лекторы поделились своими профессиональными знаниями и навыками.

Кандидат педагогических наук более чем с 35-летним стажем преподавания русского языка как иностранного Наталья Калуженская представила трехдневный курс «Профессиональная речь учителя РКИ. Интонация». Участники познакомились с т.н. мелодическими фигурами – «интонационными конструкциями» (ИК), которые применимы

не только в школе, но и в нашем каждодневном общении.

Иногда то, КАК ты говоришь, имеет большее значение, чем то, ЧТО ты говоришь. А имея базу понимания ИК, мы выдаем эмоцию, воздействующую психологически на аудиторию.

Как же было замечательно работать над стихотворными и прозаическими текстами, используя для закрепления интонационно-кинестические комплексы.

Например, грузинские педагоги разыграли всеми любимый «Багаж» Самуила Маршака. Были поставлены задачи: показать бизнес-леди, даму-старушку, уставшую и хамоватую даму, даму-иностранку и т.д. А после мы поработали с прозой – взяли рассказ «На даче» Антона Чехова. Он был прочитан от лица девушки и от лица мужчины с разными интонациями.

Благодаря Наталье Калуженской, которая сумела вовлечь абсолютно всех участников, сценки получились невероятно живыми. Попробуйте сами, и вы убедитесь, как это интересно и весело почувствовать себя немного актерами. И подросткам это не может не понравиться.

По мнению Натальи Юрьевны, «мастер-класс прошел на высоком уровне. Этому способствовала активная работа грузинских учителей русского языка как иностранного. Они с

большим интересом рассматривали приемы управления речемыслительной деятельностью учащихся и создания их эмоционального настроения на уроках, а также анализировали стилистические приемы, маркирующие жанры педагогической речи... Любовь к русскому языку и русской литературе, подвижность, открытость и доброжелательность, отзывчивость и высокая духовность – благодаря именно этим качествам запомнятся мне замечательные коллеги из Грузии».

Второй спикер, Ксения Родионова, представляла Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований дала два увлекательных мастер-класса: «Особенности проектирования коммуникативного урока» и «Применение ИИ в учебном процессе по русскому языку». В последнем блоке занятий с помощью нейросетей мы практиковались в создании картинок и аудиозаписей, чтобы в дальнейшем на уроках русского языка вовлечь в новые технологии и своих учеников. В отдаленных районах Грузии ИИ пока только начинает набирать популярность. Конечно же, обсуждались и побочные проблемы в его использовании – к примеру, многие ученики и студенты прибегают к ИИ во время написания сочинений и докладов. Плюсов много – экономия времени, креативный подход... Но как быть с работой воображения, аналитическим мышлением самого ученика?

Психологи мира уже ломают головы, к чему приведет столь быстрое и поглощающее многие сферы распространение ИИ, и что останется людям? И здесь очень важна роль преподавателей в работе с подрастающим поколением, правильно расставленные акценты, умение грамотно обходиться с новой «игрушкой».

По итогам тренинга педагоги высказались, что подобные практики необходимы, ведь они

будут привнесены и применены в учебные процессы с грузинскими школьниками.

ЕРЕВАН

В конце мая столица Армении стала магнитом для филологов-русистов. На одной площадке собрались преподаватели «великого и могучего» из разных стран мира: Великобритании, Венгрии, Грузии, Италии, Испании, ОАЭ, России, США, Эстонии и др.

Организаторами Форума выступили образовательные проекты «Играючи», «РКИ Today» и Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна (кафедра русского языка и методики его преподавания факультета иностранных языков). По счету это уже V Международный форум по РКИ (первый состоялся в 2021 году в Москве).

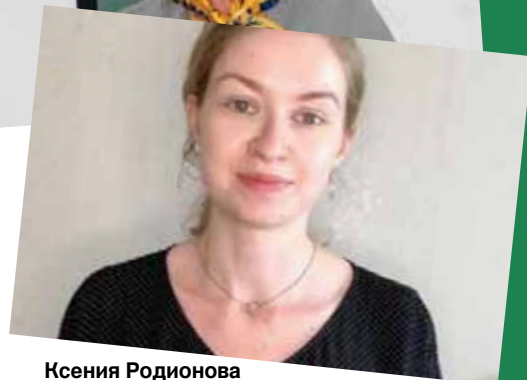
Всеяю оптимизм и выселяю.

Создатель проекта «Играючи» (расшифровывается как «играй, учи») юрист, лингвист и один из создателей Форума Олег Илясов в одном из интервью высказался о том, что педагог должен иметь хорошее чувство юмора, всегда творчески подходить к работе, постоянно что-то выдумывать. И очень важно не «вариться в собственном соку», чтобы развиваться профессионально – создавать что-то красочное, интерактивное, игровое. У создателей этого Форума все сложилось: здесь собрались лучшие.

Да, сегодня происходит бум РКИ, появилась масса интересных учебников и пособий. Каждый автор предлагает свой взгляд на развитие языка. В рамках этого мероприятия была возможность вживую пообщаться с авторами и блогерами в сфере РКИ. Произошла «развиртуализация».

В течение двух дней Ереван стал городом-праздником – с утра и до вечера шла интенсивная, увлеченная работа профессионалов в атмосфере единения и взаимопонимания. Очень радовал глаз молодежный состав – креативный и полный

Наталья Калуженская

Ксения Родионова

энтузиазма. Среди интереснейших презентаций такие темы, как: «Мемтенсив, или практика русского языка с помощью мемов», «Абстрактные существительные vs. реальный мир», «Нейротренажеры в практике преподавания языков», «Ингредиенты для создания коммуникативных игр» и др.

Одна из участниц от Грузии, ведущий преподаватель РКИ, педагог тбилисской школы №29,

На экскурсии

Я РКИп. РКИю и буду РКИТЬ.

Вид на Арарат

Признаю свои ошибки гениальными.

давний друг «Русского клуба», участница тренингов по РКИ в Шекветили Лина Гаспарян представила партнерский проект «Игра «Боги Древней Греции» на уроках РКИ. Геймификация: мотивация, вовлечение, результат». В его разработке приняли участие Лали Чарквяни (профессор филологии, доктор психолингвистики, США) и Джонни Халатян (студент IV курса Европейского учебного университета, Грузия).

— Проект объединяет элементы мифологии, визуальной культуры, настольных и цифровых игр, методику CLIL и задания по таксономии Блума, — рассказывает Лина Гаспарян. — Его цель — создать живую, современную и мотивирующую среду для изучения русского языка, в том числе через такие темы, как страноведение и язык специальности.

По окончании очередного сета презентаций к Лине Альбертовне подходили коллеги, узнавали детали, интересовались техническим воплощением и благодарили за оригинальный подход к преподаванию.

— Олег и Анастасия Илясовы, а также Ольга Плотникова

— не просто организаторы, а наши добрые друзья и надежные партнеры. Благодаря их колоссальной подготовительной работе Форум в Ереване стал по-настоящему теплой и профессиональной международной встречей.

Я как спикер счастлива, что со мной в Ереван из Грузии приехала группа друзей. И конечно, люди, которые были с нами в эти дни, — настоящая находка. Чудесные, самоотверженные, стремящиеся к новому. Особенно я в восторге от молодежи. Это новое поколение преподавателей — уверенные, креативные и гибкие. Они вооружены современными педагогическими подходами, свободно владеют минимум двумя-тремя иностранными языками, легко работают с цифровыми технологиями, не боятся экспериментировать. Они ищут, исследуют, подбирают методы преподавания, включают в тематику занятия страноведение, язык специальности — и тем самым формируют альтернативную модель преподавания, отличную от традиционной. Эта безупречная организация стала основой для вдохновляющего общения, профессионального роста и настоящего человеческого объединения. Спасибо за пространство, в котором хочется работать, учиться и возвращаться снова.

Каждый педагог имеет свой рецепт, как сделать учебный процесс более интересным и привлекательным для своих подопечных. В ход идут уловки, хитрости, некие штучки и все это делает русский язык для обеих сторон интереснейшей сферой для изучения и исследования.

Ной не ныл и ты не ной.

Форум в Ереване стал площадкой для обмена идеями, вдохновением и заделом на воплощение в недалеком будущем создать совместный международный проект по РКИ. Нужны ли подобные встречи? Безусловно, да! И пусть их будет побольше.

Олег и Анастасия Илясовы и Лина Гаспарян

Участники Костомаровского форума

■ Светлана СИНАТАШВИЛИ

МОСКВА

Если повезет, то в жизни могут случиться встречи, которые забыть невозможно. Мне повезло. В 2018 году на церемонии награждения лауреатов Пушкинского конкурса в Москве, в мэрии столицы, я познакомилась с легендарным Виталием Григорьевичем Костомаровым. Первое, что бросилось в глаза и навсегда осталось в памяти, – невероятное интеллектуальное обаяние, молодая энергетика и увлеченность любимым делом. И, конечно, возможность принять участие в Костомаровском форуме стала для меня не только большой радостью, но и особой честью.

Как удачно выразилась журналист и филолог Марина Королева, академик Виталий Григорьевич Костомаров на наших глазах стал форумом. Человек стал форумом! Чудесное перевоплощение. Лучше не бывает. И время проведения форума чудесное – весна. Тоже лучше не придумать. В этом году он отметил свой первый юбилей – V Костомаровский форум «Вектор, язык, культура» прошел с 20 по 25 мая в Москве. Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина учредил это мероприятие в 2021 году как дань памяти своему основателю и первому ректору В.Г. Костомарову.

За короткое время форум стал местом встречи авторитетных представителей мировой русистики, молодых исследователей и педагогов-практиков. Так

было и в этом году – в форуме участвовали научные, образовательные и просветительские организации из более чем 100 стран мира. В своих выступлениях участники рассказывали о новых методиках изучения и преподавания русского языка и литературы, междисциплинарных проектах, в том числе с применением искусственного интеллекта, молодежных инициативах.

В честь 80-летия Победы на форуме работала интересная выставка «Весна сорок пятого года: материалы из мемориального собрания академика Костомарова». Основу выставки составили ценные экземпляры советской прессы военных лет.

В этом году академику Костомарову исполнилось бы 95 лет. Весь свой научный, педагогический, творческий путь он посвятил делу продвижения русского языка. Виталий Костомаров является одним из первопроходцев в разработке методик обучения иностранцев русскому языку, создателем нескольких новых научных направлений. Множество людей в мире узнали и полюбили русский язык благодаря деятельности Виталия Григорьевича и созданного им института. На форуме мы обсуждали актуальность научного и педагогического наследия Костомарова, развитие его идей в современной русистике, языковой политике, популяризации русского языка в мире.

Магистральным вектором дискуссий нынешнего форума стала тема «Язык и культура». Такой выбор был определен тем,

что в этом году отмечается также 45 лет со дня выхода в свет монографии В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина «Лингвострановедческая теория слова». В своей работе ученые раскрыли роль языка как хранителя духовных ценностей национальной культуры. Сегодня эти идеи чрезвычайно актуальны, поэтому большое внимание на форуме было уделено вопросам лингвострановедения, в том числе в контексте преподавания русского языка как иностранного.

На форуме я встретила много старых знакомых. Появились и новые – увлеченные, влюбленные в свое дело русисты. Общались со всеми, с некоторыми особенно сблизилась и даже попросила ответить на несколько вопросов для нашего журнала. Вопросы были всего три:

- ✓ Представьтесь.
- ✓ Какие особенности (трудности) изучения русского языка есть у вас в стране и как вы с ними справляетесь?
- ✓ Поделитесь вашими впечатлениями о Костомаровском форуме.

Ана Яковлевич Радунович, доцент кафедры славистики филологического факультета Белградского университета, Сербия. Уже много лет преподаю русскую литературу.

✓ Русистика в Сербии сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, уменьшается число школ, изучающих русский язык. Во-вторых, увеличивается конкуренция со стороны других иностранных языков. А в-третьих, существует особенность восприятия языка: многие сербы не считают русский по-настоящему иностранным – он им кажется родным. Парадоксально, но это может снижать интерес. Тем не менее, русская классика способна вдохновить. Именно она дает студентам ту самую мотивацию, благодаря которой они продолжают углубленно изучать язык, культуру и литературу. Произведения русской классической литературы входят в обязательную русскую программу чтения и доступны нашим ученикам в переводе на сербский язык. Часто именно это становится их первым знакомством с русской культурой и историей. Кроме того, через ли-

С ректором Института имени Пушкина Н.В. Гусевым и членами делегации Армении и Азербайджана

температуру у многих возникает интерес к изучению языка – чтобы в будущем читать русскую классику в оригинале. Многие студенты стремятся продолжить обучение в российских вузах. Кроме того, знание русского языка сегодня открывает реальные возможности трудоустройства.

✓ Программа форума была насыщенной и разнообразной. Мы говорили о положении русского языка в мире. Обменялись опытом внедрения новых образовательных технологий и обсудили подготовку специалистов-русистов.

Ана Яковлевич Радунович в 2004 году защитила диссертацию «Сергей Параджанов: кинематографическое прочтение поэм Пушкина и Лермонтова». В работе анализируется подход Сергея Параджанова к созданию литературного сценария, основанного на романтических поэмах, а также особенности его интерпретации произведений «Бахчисарайский фонтан» и «Демон». Продолжая исследование творчества Параджанова, в 2022 году она обратилась к его сценарию 1969 года «Исповедь», который лег в основу последнего фильма выдающегося кинорежиссера, который он так и не успел снять (Параджанов успел поработать только два съемочных дня и отснять

первые 300 метров пленки). Это автобиографическое посвящение Тбилиси – городу, где он родился. В этом произведении Параджанов соединяет личные мотивы, художественные темы и ключевые географические пространства своей жизни: Тбилиси, Киев, Россию.

Монография «Сергей Параджанов: три сценария» вышла в 2023 году и была удостоена премии за лучшую книгу в области славистики в Сербии.

Нгуен Тхи Ханг, декан факультета русского языка Хошиминского педагогического университета, Вьетнам.

✓ У нас много трудностей непосредственно в изучении русского языка: лексические, фонетические, грамматические. Лексические трудности: омонимы, паронимы. Фонетические трудности: мягкий и твердый знаки, **щ, р, л**, ударение (у нас одно слово – один слог, поэтому студентам трудно произносить русские слова). Грамматические трудности: падежи, глаголы движения с приставками, причастия и деепричастия, которых во вьетнамском нет. Конечно, мы даем много упражнений на все темы, вызывающие трудности.

✓ Прекрасные впечатления от форума! Много новых коллег, друзей, докладов. Все в радость, все на пользу.

Рубен Дарио Флорес Арсила, профессор семиотики и теории коммуникации кафедры языкознания Национального Института Колумбии. Официальный переводчик. Писатель. Президент Института имени Льва Толстого в Боготе. Кавалер Ордена Дружбы. Выпускник РУДН. Строитель БАМа.

✓ Латиноамериканский, испаноговорящий студент преодолевает много трудностей в усвоении уровней системы русского языка.

На уровне фонетики:

- оппозиция ь/ъ знаки;
- оппозиции фрикативных шипящих, взрывных согласных: **ш, щ, ц, ж**;
- отсутствие в испанском языке слов, начинающихся в начальной позиции с согласного «с»: студент, страна, сказать – испаноговорящий скажет: эстудент, эстрана, эсказать, эстул, эстол;
- отсутствие в испанском языке оппозиции женского и мужского рода в прошедшем времени глагола: сказал/ сказала;
- система падежей представляет собой существенную разницу с грамматической системой испанского языка;
- фонема **ы** и ее произношение является сложным для испаноговорящих из Латинской Америки.

Преодоление этих сложностей требует постепенной передачи структурно-лингвистических особенностей с точки

зрения дидактики в коммуникационном контексте. Здесь классическая постановка дидактического метода: с самого простого, постепенно усложняя упражнения с повторением лингво-грамматических уровней, делая упор на устный аспект работы со студентами.

✓ Форум для меня был значимым. Во-первых, чтобы познакомиться с работами преподавателей русского языка из разных стран, с разными педагогическими традициями и с разными культурными подходами. Во-вторых, сам факт обмена опытом в плане новых учебников, новых тенденций дидактики с использованием цифровых инструментов и роли литературы в преподавании русского языка был полезным. И, в-третьих, сама возможность рассказать об успехах и трудностях в продвижении русского языка в стенах Института Пушкина дает уверенность в том, что актуальная государственная политика по отношению к продвижению русского языка за рубежом коснется нас самым позитивным образом. И, в итоге, само общение с коллегами из разных стран вдохновляет.

Работа форума проходила на нескольких площадках. Хотелось побывать буквально везде, все было безумно интересно, все темы актуальны. Судите сами: «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: Грамматика – Семантика – Прагматика», «Визуальный язык медиа», «Теория и практика бизнес-коммуникации: бизнес в языке и язык в бизнесе», «Обучение интонации и музыке русской речи: из опыта работы», «Русская литература в преподавании русского языка: цели? учебные материалы? результаты?», «Новые типы медиатекстов в цифровой среде: семантика, стилистика, прагматика», «Битва технологий: искусственный интеллект против лингвистического корпуса»... И это далеко не вся программа форума.

На круглом столе, посвященном 230-летию со дня рождения А.С. Грибоедова, российские и зарубежные эксперты всесторонне обсудили ключевые аспекты жизни и наследия Александра Сергеевича. Мы углу-

Наталья Кулибина

бились в анализ литературного творчества Грибоедова, а также оценили его значительный вклад в международную дипломатию. Дискуссия еще раз подчеркнула непреходящую актуальность его наследия как в области культуры, так и в сфере международных отношений.

Я с удовольствием приняла участие в круглом столе «Методика обучения взрослых: принципы андрагогики в курсовом обучении РКИ». Андрагогика – одно из перспективных направлений в современной методике преподавания РКИ. Взрослые составляют основной контингент курсового обучения, поэтому понимание того, кто такие взрослые и как они учатся, становится чрезвычайно актуальным. Блестящим было выступление Натальи Степановны Новиковой, кандидата филологических наук, профессора Российского университета дружбы народов. Она рассказала о своей практике преподавания глаголов движения иностранным студентам. Диссертационный зал на первом этаже был набит до отказа, желающих послушать профессора Новикову было очень много.

Авторскую мастерскую «Интерактивные педагогические технологии по обучению смысловому восприятию сложных художественных текстов и открытые цифровые ресурсы по чтению» провела Наталья Владимировна Кулибина, доктор педагогических наук, заслуженный профессор Института Пушкина, главный научный сотрудник лаборатории филологических исследований. Что такое «сложные тексты» и зачем они нужны в языковом

учебном процессе? Что такое «смысловое восприятие» и нужно ли ему учить? Как выбрать текст и организовать урок чтения по модели естественного взаимодействия читателя и книги? Вот какие вопросы ставила Наталья Владимировна на своей мастерской.

Наталья Новикова и Наталья Кулибина хорошо известны грузинским педагогам-русистам не только виртуально – по их статьям и книгам, но и вживую: по приглашению «Русского клуба» они приезжали в Шекветили, где провели тренинги по самым актуальным вопросам РКИ. Сотрудничество переросло в дружбу, поэтому наша встреча на форуме была особенно сердечной.

Кстати, я с удовольствием рассказала своим зарубежным коллегам из Португалии, Боснии, Сербии, Франции, Алжира, Перу, Бразилии об этом проекте «РК»: каждое лето русистов из всех регионов Грузии и столицы собирают в Шекветили, проводят тренинги, снабжают учебной и художественной литературой, устраивают интересные мероприятия.

Время пролетело быстро, как обычно бывает в интересной компании с неординарными, креативными людьми, энтузиастами своего дела. Не хотелось расставаться. Но все мы уезжали окрыленные новыми задумками, новыми проектами, новыми друзьями по всему миру, а главное – надеждой на новые встречи. «Друзья мои, прекрасен наш союз!» – как давно известно, лучше Пушкина не скажешь.

Кинозвезды «Евразия-кинофеста»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Черное море, белый теплоход... Великолепный сочинский гранд-отель «Жемчужина»; россыпь кинозвезд – начиная от российских знаменитостей разных поколений и заканчивая французами Сами Насери и Фредериком Дифенталем из суперпопулярного «Такси» и сербом Гойко Митичем, прославившимся ролями индейцев в немецких вестернах; красные дорожки; просмотры конкурсных картин в просторных кинозалах; гала-премьеры, круглые столы, панельные дискуссии и мастер-классы. В этой праздничной, кипучей атмосфере прошел масштабный II Международный кинофестиваль «Евразия-кинофест», представивший более 90 картин кинематографистов России, Армении, Azerbaijана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Индии, ЮАР, Монголии, Германии, Кении, Турции, Бразилии. «На всех просмотрах, на которых я присутствовал, был полный зал, и это, наверное, главный критерий успеха фестиваля. Такое внимание аудитории – большой праздник для всех, кто его задумал и устроил», – отметил на закрытии форума президент «Евразии-кинофеста», кинорежиссер, актер, продюсер Джаник Файзиев.

Киномозаика

В историческом здании Летнего театра прошло награждение победителей.

Среди полнометражных фильмов (жюри полного метра возглавила актриса, режиссер Люселия Сантус – бразильская «рабыня Изаура») абсолютным фаворитом стала картина «Нави: дорогая будущая я» (Кения, Германия), получившая главный приз фестиваля. Ее сняли четыре режиссера: Тоби Шмутцлер, Кевин Шмутцлер,

Апуу Маурин, Валентин Челлугет. Это печальная история кенийской девочки, мечтавшей о хорошем образовании и престижной профессии, но ставшей жертвой жестокого мира взрослых: отец отдает своего совсем еще ребенка в жены зрелому мужчине – отдает в обмен на скот. Юная актриса Мишель Лемуйя Икени органично существует в кадре – ее Нави умна и самоотверженна, трогательна и чиста. Настоящая героиня, которой искренне сочувствуешь с

первого до последнего эпизода вплоть до трагического финала. И при этом, парадоксальным образом, вопреки напряженной атмосфере в каждом кадре, наслаждаешься экзотической природой, своеобразным бытом кенийцев и традиционной африканской музыкой.

За лучшую режиссуру была отмечена работа киргизских кинематографистов «Сделка на границе», которую снял Дастан Жапар Рыскелди. Она же получила награду от Гильдии

киноведов и кинокритиков Союза кинематографистов РФ. Картина снята в лучших традициях криминального психологического кино. Главный герой – благородный, мужественный молодой человек, ценою собственной жизни отстаивающий свое право на сострадание, но при этом фатально связанный с преступным миром. Выполняя на границе криминальный заказ (вместе с другом Саматом Азамат зарабатывает тем, что перевозит наркотики тайными горными тропами), он знакомится с женщиной, сбежавшей от рабовладельцев, и пытается ей помочь, однако во время переправы через реку беглянку застрелили пограничники. Теперь у Азы одно стремление – доставить тело несчастной в ее родное село. Гангстеры требуют, чтобы Азамат выполнил их очередной заказ, но нравственный долг заставляет его (вместе с новой знакомой – односельчанкой погибшей) отправиться с «грузом» в далекий путь. Тем самым Аза подписывает себе смертный приговор.

Не осталась без наград и черно-белая картина «Эвакуация» казахстанского режиссера Фархата Шарипова: картина получила приз президента форума и премию жюри за операторскую работу Александра Плотникова. В документальной стилистике режиссер показывает историю женщины и ее маленькой дочки, разлученных во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны. И хоть у картины открытый финал, по окончании просмотра не оставляет острое чувство боли. Перед глазами – испуганная маленькая девочка, стоящая одна на перроне и крепко ухватившаяся за какой-то вокзальный столб как за соломинку.

Таджикская картина – детектив «В поисках истины», снятый Манзарали Шерали (он же автор сценария), – увлекла неожиданными ходами и непредсказуемой развязкой. Въедливый журналист, примеривший на себя костюм Эркюля Пуаро, расследует самоубийство деревенской девушки, и вновь, как в фильме «Нави», причиной случившегося становятся нравы и предрассудки косной среды.

Фильм отметили за лучший сценарий.

«Двое в одной жизни, не считая собаки» Андрея Зайцева (Россия). Эта уютная, нежная картина с блистательным дуэтом Светланы Крючковой и Александра Адабашьяна посвящена обычной жизни пожилых питерских интеллигентов. Большое удовольствие наблюдать за их романтическими отношениями и милыми чудачествами. Таких людей – по-хорошему старомодных, образованных, порядочных – сегодня называют «уходящей натурой». Фильму вручили приз зрительских симпатий. А Александр Адабашьян получил награду за лучшую мужскую роль.

Лучшей женской ролью была признана работа известной турецкой актрисы Нур Сюрер, принявшей участие в фильме с феминистским уклоном «Участь» режиссера Надима Гуча. Энергичная и предприимчивая героиня Нур Сюрер, овдовев, постепенно осознает, что вполне может обходиться в своей жизни без мужчины. Она игнорирует все предубеждения и запреты – торгует на рынке, сдает внаем дом и в конце концов добивается уважения тех, кто еще вчера осуждал ее за слишком независимый характер и пренебрежение традициями.

Из оставшихся без наград картин полного метра отмечу спортивную драму Анны Максим «Обратная сторона меда-

ли» (Армения) – о тернистом пути чемпионки мира и двукратной чемпионки Европы по тяжелой атлетике Назик Авдалян. А также российскую ленту «Кукольный дом» (реж. Ольга Беляева) – историю трогательной любви девятилетнего мальчика Василия к молодой артистке, по сюжету исполняющей роль ибсеновской Норы. В основе фильма – сценарий актрисы Ларисы Малеванной, некогда сыгравшей эту героиню в телеспектакле с тем же названием.

В номинации «лучшая короткометражная картина» (жюри возглавляла актриса Мария Шукшина) победу одержал фильм «Про корову» (реж. Николай Алексеев, Антон Симухин, Россия). Киноманы не могли не оценить гуманистический посыл и юмор его создателей, а также устоять перед обаянием двух «дам» – коровы, «любящей поэзию» (буренка двигается только под чтение стихов), и ее взбалмошной, но очень доброй хозяйки.

Фильмы, отражающие историческую память и культурную преемственность, отмечались на фестивале особо. В конкурсе документального кино (председатель – режиссер, продюсер из Армении Армине Авдолян) лучшей оказалась российская лента «Я явилась не гостить» (реж. Борис Травкин) – о сибирской сказительнице, прозаике, поэте Таисии Пьянковой, хранительнице национального культурного кода. А фильм «Обитель

На открытии кинофестиваля

Люселия Сантус приветствует гостей

святой Ефросиньи» (реж. Владимир Луцкий, Беларусь) увез специальный приз АНО «Евразия». Напомним, что именно автономная некоммерческая организация «Евразия» провела фестиваль, цель которого – формирование общего евразийского кинопространства, укрепление культурных связей и продвижение традиционных ценностей через искусство.

Кинопресса форума «Евразия-кинофест» тоже назвала своего фаворита – им стала документальная лента «Тайметов. Вестник Победы» о первом узбекском летчике (режиссер Эльдар Юлдашев).

В рамках фестиваля состоялись гала-премьеры российских фильмов: «Семь дней Петра Семеныча» (реж. Т. Кеосаян, первый президент кинофестиваля), «На деревню дедушке» (реж. В. Богуш), «НеГоген» (реж. П. Ольденбург). Прошли показы картин «Эффект Хамелеона» (реж. А. Харламов), «Шаман» (реж. М. Мерзликин), «Огород» (реж. Л. Садилова), «Елки-палки» (реж. С. Никоненко), короткометражных фильмов из Армении и Молдовы, документальной ленты Ивана И. Твердовского «Реверс», программы студии «Союзмультфильм», а также документального кино Бразилии, посвященного футболу.

«Научиться говорить друг с другом»

Большой интерес вызвали панельные дискуссии и круглые столы. Один из них был

посвящен легенде советского кино – режиссеру, актеру, педагогу Сергею Герасимову. В Сочи съехались его знаменитые ученики: актрисы Наталья Аринбасарова, Наталья Бондарчук, Наталья Гвоздикова, Лариса Лужина, актер и режиссер Сергей Никоненко, режиссер и сценарист Лариса Садилова, а также актриса Валентина Теличкина, сыгравшая в киношедевре Герасимова «Журналист» одну из своих лучших ролей. Эта работа открыла ей дорогу в большое кино. На фестивале Валентине Ивановне вручили награду за значительный вклад в развитие киноискусства. Так же высоко были оценены заслуги актера и режиссера Гойко Митича.

Сергей Никоненко:

– Главным методом обучения Сергея Герасимова была любовь к нам. Сколько души было вложено в каждого ученика, сколько времени потрачено на то, чтобы из нас получилось что-то серьезное, значительное! Сергей Аполлинариевич был невероятно образованным человеком, обладал просто энциклопедическими знаниями. Хочу напомнить его размышления о кинематографе, они звучат сегодня очень актуально: «Я недавно перечитал Диккенса, все тридцать томов. До чего же трогает, прочищает мозги и сердце! Никогда я не был особым поклонником Диккенса, так же как никогда не был поклонником Тургенева, но вот у Тургенева в «Асе» написано: «Сердце у меня упало». А в большинстве современных фильмов ни у

кого не падает сердце, «пустое сердце бьется ровно, в руке не дрогнет пистолет». Есть ли эта беда – беда равнодушия – в нашем искусстве? Сколько угодно! Почему я так часто говорю вам о ремесленниках, ругаю их? Потому что в кинематографе у нас еще достаточно людей случайных для искусства, равнодушных ко всему, кроме своей особы. Это ремесленное равнодушие губит фильмы даже при всем изяществе исполнения. Умение увидеть в человеке прекрасное, порой до боли его исхлестав, – черта великих художников, великого искусства. Сейчас битва идей не только в области прямых идеологических столкновений. Второй фронт проходит через душу человека... Осточертели грязь, пошлость, ледяной, равнодушный интеллектуализм! Лед, покрытый грязью. Каждое мало-мальски духовное движение обзывается сентиментализмом. Если при этом герой не вытоптал ногами свою веру, любовь, то он и простофиля, и неинтересный, несложный человек. Надоело! Я против голубых историй, тем более народных сказок. Скорее склонен искать искусство в хрестоматийной литературе, чем в черной, вызывающей у меня не более чем усмешку. Вы стараетесь друг перед другом казаться интереснее. Будьте добрее друг к другу – станете интереснее! Презирайте черную философию и литературу, как и всякий декаданс, имя коему – мещанство!»

Лариса Лужина:

– Сергей Герасимов и Тамара Макарова относились к нам, как к своим детям. Герасимов не оставлял своих воспитанников до конца. Они уже

«Нави: дорогая будущая я»

работали на других студиях, в других странах, но Сергей Аполлинариевич и Тамара Федоровна продолжали интересоваться жизнью учеников. А это очень дорого, потому что чувствуешь опеку, понимаешь, что ты не брошен. Герасимов говорил так интересно, что его можно было слушать, раскрыв рот! Он читал стихи, очень любил Пушкина. Герасимов и Макарова поддерживали нас материально, учили правилам хорошего тона. Помню, Тамара Федоровна покупала сосиски, сажала нас за стол и показывала, как пользоваться столовыми приборами, но это делалось еще и для того, чтобы нас, голодных студентов, накормить. После ВГИКа Сергей Герасимов пристроил меня в картину к Станиславу Ростокскому. Спасибо ему, ведь я попала в руки к хорошему режиссеру, и его фильм «На семи ветрах» стал для меня путевкой в кинематограф. Сергей Аполлинариевич заставлял тебя поверить в то, что ты делаешь. Как он любил артистов!

Наталья Бондарчук:

— Моя мама, Инна Макарова, познакомилась с папой, Сергеем Бондарчуком, во время съемок «Молодой гвардии». Сергей Бондарчук в то время вернулся с фронта и поступил на третий курс ВГИКа, в мастерскую Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. В «Молодой гвардии» собрались такие актерские силы! Клара Лучко, Нонна Мордюкова, Вячеслав Тихонов, Георгий Юматов... Мама всегда помнила, кто утвердил ее на роль Любки Шевцовой. Она исполнила танец Кармен, и Александр Фадеев сказал: «Не знаю, какой была Кармен, но что это Любка Шевцова — точно!»

Наталья Аринбасарова:

— Секрет метода Герасимова — в любви к человеку. Он говорил, что суть профессии актера — человековедение. Вчера я с огромным удовольствием посмотрела картину ученицы Герасимова Ларисы Садилевой «Огород». Какая любовь к человеку в каждом кадре! Вот это — школа Герасимова. Какое внимание к глазам, к трепетным чувствам! Сергей Аполлинариевич всегда говорил нам: учиться нужно на самом лучшем.

Учитесь на классике, берите отрывки, пишите сами. Особенно внимательно он относился к этюдам и постановкам, которые наши режиссеры и актеры делали сами. Во ВГИКе я играла Офелию, Настасью Филипповну. В дипломном спектакле «Красное и черное» в первом составе госпожу де Реналь играла Наталья Бондарчук, а во втором составе — я. Вся Москва сбегалась смотреть наши спектакли. Герасимов говорил: «Пока учитесь, вы можете играть все, что хотите. А когда придете на производство, придется делать то, что вам дадут!» Так и случилось: всю жизнь мне пришлось играть покорных восточных женщин. Помню, педагоги показывали нам, как садиться, ходить, как носить кринолин. Сергей Герасимов часто с нами репетировал, учил разным актерским приемам. А еще он говорил: «Мне важно, чтобы вы выросли гражданами своей страны. Когда трудитесь над какой-то ролью, то должны осознать, во имя чего вы беретесь за это, как отзовется в сердцах зрителей ваша работа. Думая об образе, всегда учитывай эпоху, ее нравы, стиль, костюмы». На съемках Герасимов всегда внимательно прислушивался к тому, что мы ему предлагали.

Лариса Садилова:

— Школа Герасимова продолжается в фильмах, которые мы снимаем и в которых снимаемся. Он говорил: «Даже зайца можно научить играть на барабане, но вот стать хо-

рошим человеком не так-то просто». Хорошего человека нельзя сыграть — это никогда не получится. Вместе с Тамарой Федоровной в процессе обучения они уделяли именно этому особое внимание. Герасимов считал ВГИК первостепенным делом своей жизни и придавал нашему воспитанию большое значение. Это был метод самой жизни, и это ощущал каждый из нас. При этом каждый считал, что Сергей Аполлинариевич любит больше всех именно его. Он уважал и, конечно, хвалил своих учеников.

Круглый стол на тему «Роль продюсера в кино: от идеи до успеха» провел режиссер, сценарист, продюсер, общественный деятель Карен Шахназаров. «Продюсер — профессия важная. Чтобы быть хорошим продюсером, нужно досконально знать весь процесс создания фильма, процесс сложный и разнообразный», — подчеркнул он.

На круглом столе выступила продюсер и киновед **Наталья Мокрицкая:**

— В советские годы креативным продюсером было государство, что было не так уж плохо. Сейчас эта функция возвращается государству, и мне это очень нравится. Я человек государственного направления. За эти 30 лет продюсер стал важнейшей фигурой отечественного кинопроизводства. Раньше разные люди занимались продюсированием авторского кино и коммерческих жанров. Сегод-

На круглом столе, посвященном вопросам продюсирования кино

Анна Ковальчук с дочерью Златой

ня эти две функции сливаются. Продюсер авторского кино помогает молодому и немолодому автору реализовать его замысел. Что касается коммерческого, жанрового кино, то задачи продюсера в этом случае сложнее. Продюсировать авторское кино проще. А вообще мы находимся в привилегированном положении. Любая интересная идея, сценарий получают поддержку государства – я в этом убеждена. В Минкульте есть такое направление, как поддержка копродукции. Очень важно, чтобы министерство поддерживало картины из стран СНГ, дружественных стран. Все мы, рожденные в СССР, знаем, что такое кино и как оно создается, и сможем помочь нашим друзьям, поддержать их не только креативом, но и финансами.

Карен Шахназаров выразил свое отношение к такому сложному понятию, как авторское кино:

– Я абсолютно не понимаю, что такое авторское кино, артхаус. На мой взгляд, авторское кино – любое кино, в котором выражена личность автора. В нашей традиции авторское кино – это, к примеру, фильмы Андрея Тарковского. А что, Гайдай – не авторское кино? Очень

просто – ты отрезаешь титры и безошибочно можешь угадать автора фильма. Даже неудачные картины Георгия Данелия имеют свою особую стилистику. Хорошее кино – наличие стиля. Наличие стиля – это и есть наличие автора. И неважно, в каком жанре снята картина: может быть комедия, драма, жанровое кино, трагедия. Если появляется автор – это и есть авторское кино. А у нас ошибочно утверждают, что авторское кино – особый жанр. По сложившемуся стереотипу, это должно быть, как правило, скучно и очень длинно, снято статичной камерой. Когда я начинал свою жизнь в кино, то не знал этого термина – артхаусное кино. Было понятно, что это – кино, а это – не кино. Нынешнее же деление на авторское и неавторское, на мой взгляд, неправильное, и оно мешает развитию кинематографа, в особенности – молодого. Есть уже клише – «фестиваль авторского кино», так что эта тенденция поддерживается. На мой взгляд, такой подход наносит вред кино как искусству, связанному со зрителем.

Шахназаров поддержал идею создания совместных картин, ведь кино – дело международное. «Но для этого не нужно постановление Минкульта. Порой мы ждем от государства, чтобы оно что-то сделало для нас, хотя многие вещи можно осуществлять самим. В советское время государство было продюсером, а сейчас оно стало инвестором. А как раз продюсер должен определять развитие отечественного кино».

На круглом столе, который провел режиссер Алексей Герман-младший, обсуждалась тема сохранения исторической памяти средствами кино – речь шла о вызовах нового времени и сохранении исторической памяти о войне.

«Очевидно, что война является самоидентификацией части народов. Мы вышли из этой войны, она принесла неисчислимые беды и страдания и путем подвига и самопожертвования была выиграна. Для меня эта война вызывает большой эмоциональный отклик. Она навсегда в моей памяти. Тем не

менее мы видим, что с течением времени подвиг многих народов сознательно или бессознательно деформируется. Но мы не должны позволить забыть об этих подвигах, потому что кино формирует реальность. Для того чтобы мир уцелел и мы двигались в будущее, нам нужно снова научиться разговаривать друг с другом, как когда-то умел разговаривать, в том числе СССР, с великим военным кино!» – к таким выводам пришел Алексей Герман-младший.

В круглом столе приняли участие Сами Насери и Фредерик Дифенталь.

В рамках фестиваля прошел международный форум кино критиков и киноведов. Его провели основатель Всемирного форума киноведов и кинокритиков, президент фонда Kazakh Film Festivals, автор и организатор международных кинофорумов и кинофестивалей, создатель платформы кинопроизводства TOQSAN и кинопортала «Бродвей», продюсер Ануар Кенжибаев (Казахстан) и президент Гильдии киноведов и кинокритиков России, кинокритик, режиссер документального кино, член ФИПРЕССИ Наталья Примакова (Россия).

Обширной и насыщенной была образовательная программа фестиваля – мастер-классы: «Как сделать кино с помощью нейросети: просто и быстро», «Сценическое движение с авторским стилем», «Режиссура: от идеи к визуальному языку», «Короткий метр – от начала до премьеры», «Сценический бой: азы взаимодействия с партнером». Большой интерес вызвал мастер-класс оператора Александра Носовского на тему «Профессия – кинооператор. Изображение фильма, традиции и современные формы», а также воркшоп художника-постановщика студии «Союзмультфильм» Дарьи Лукьяновой, посвященный секретам создания анимации.

География расширилась!

Художественный руководитель фестиваля **Сергей Новожилов**:

– Название фестиваля – «Евразия-кинофест» – говорит само за себя. Это желание объединить кинематографистов огромного

Председатель совета АНО «Евразия» Алена Аршинова, программный директор Александра Жукова, президент фестиваля Джаник Файзиев

евразийского пространства с акцентом на страны СНГ. Чтобы у них был свой фестиваль, чтобы взаимодействие культур, существовавшее в СССР, продолжалось и сейчас. На мой взгляд, задача представить российскому зрителю кино стран СНГ – тоже одна из главных на этом фестивале. Потому что у нас были полные залы зрителей. Очень важно, что здесь не только кинематографисты смотрели фильмы друг друга, но и простые зрители, приехавшие из разных уголков России. Значит, у них тоже проявится интерес к киноискусству стран-соседей. Плюс на фестивале была возможность поддерживать с помощью питчинга молодых талантливых ребят, дать им шанс реализоваться. А еще мы создали Молодежную ассоциацию кинематографистов Евразии, которая также содействует коллаборации.

Программный директор **Александра Жукова:**

– Мы подобрали картины, интересные как для профессионалов кино, так и для широкой зрительской аудитории – сделали такой микс, чтобы все нашли что-то любопытное для себя. Из 90 картин, показанных на фестивале, 45 – премьер! В прошлом году в программе «Евразии-ки-

нофеста» были только картины стран Евразии и постсоветского пространства. В этом году добавились государства БРИКС: Бразилия, Индия, Китай, ЮАР, а также Кения, Германия, Туркменистан, Монголия. Так что география наша расширилась, и мы стали исходить из того, что Евразия – это евразийский континент в широком понимании слова «евразийский». Мы старались максимально привлечь тех, кто хочет участвовать в фестивале. Кинематограф ЮАР и Туркменистана, к примеру, не на слуху. Южно-Африканская Республика предоставила для нашего фестиваля большое количество короткометражных фильмов, и у нас был выбор. Мы отобрали лучшие из лучших. Выяснилось, что в этой стране снимают очень крутое кино. Кения прислала нам несколько полнометражных картин, интерес сразу вызвала «Нави». Для нас очень важно, что мы представляем географические неожиданности. К примеру, Туркменистан – закрытая, с точки зрения кино, страна. До нас почти ничего не доходит. Во время поездки в Узбекистан я узнала, что узбеки совместно с туркменами сняли фильм-эссе, посвященный поэту и философу Махтумкули Фраги, выяснила, что

режиссер – узбекский кинематографист Музаффархон Эркинов, нашла его контактный телефон, режиссер вывел меня на продюсера из Туркменистана, и мы смогли договориться о том, что фильм станет участником нашего фестиваля. Мне показалось это очень важным. В программу были включены и так называемые «зрительские» фильмы – теплые, эмоциональные истории: «Двое в одной жизни, не считая собаки» и киргизская лента «Потанцуйте с мамой» Дастана Маддалбекова. Удивительным образом сложилась киномозаика универсальных историй, несмотря на национальный колорит, понятных в любой стране.

Председатель совета АНО «Евразия», депутат Госдумы РФ **Алена Аршинова:**

– В мире может происходить все, что угодно, – главное, какие мы, что мы хотим выразить своим творчеством тем, кто идет с нами, кто идет за нами – молодым! Нас очень волнует, каким мир будет завтра. Мы хотим просыпаться и слышать только хорошие новости. И мы стремимся способствовать этому, в том числе своим примером – примером в нашем кинематографе.

Нино Чавчавадзе

ПОДАРОК ИЗ ТЕГЕРАНА

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Тавриз, конец января 1829 года. К дому, где жила супруга Полномочного министра в Персии Его Императорского Величества Александра Грибоедова, прискакал всадник в униформе темно-зеленого цвета. Он торпливым шагом вошел в дом, прошел в гостиную и велел служанке доложить о себе. Вышла хозяйка. Она радостно приветствовала гостя: это был курьер посольства, который уже несколько раз привозил ей столь желанные письма от мужа. Он поклонился и с почтением произнес: «Вам послание из Тегерана, Нина Александровна».

В этот раз вместо письма курьер привез небольшую изящную коробочку. Молодая женщина с волнением открыла ее и

увидела необычайно красивый письменный прибор: сине-красную чернильницу с изображениями ангелов и подставку для пера. На обороте знакомым почерком была сделана надпись по-французски: «Ecrives me souvent le mien ange Nynaubie! Tout le tien A.G. Janvier 15, annee 1829, Teiran» («Пиши мне почаще, мой ангел Ниноби! Весь твой А.Г. Январь 15, год 1829, Тегеран»).

Через две недели Грибоедов вместе с сотрудниками российской дипломатической миссии был жестоко убит разъяренной толпой, ворвавшейся в здание посольства. И эта чернильница оказалась последним подарком, который Нино получила от мужа.

Дальнейшая история ее жизни известна всем. В том же году 17-летняя вдова перенесла еще один страшный удар — вследствие преждевременных родов умер ее сын, названный в честь отца Александром. Она очень долго, с трудом возвращалась к «обычной» жизни. Сохранив верность мужу, до последних дней не снимала черного платья. После гибели супруга ей было передано авторское право на сочинения Грибоедова, и она бережно хранила наследие писателя. Во многом благодаря стараниям Нино, до наших дней дошли не только рукописи, письма, но и его личные вещи.

Сегодня, спустя почти двести лет со дня гибели Грибоедова, в Тбилиси, в Литературном музее Грузии можно увидеть предметы, которыми пользовался автор

Давид Арсенишвили и Иван Ениколопов на выставке, посвященной А. Грибоедову. 1929

«Горя от ума».

Примечательно, что и само основание музея связано с именем Александра Сергеевича, вернее с выставкой, посвященной 100-летию со дня его смерти. Экспозиция была организована в 1929 году руководителем Тбилисского театрального музея Давидом Арсенишвили (впоследствии – основателем Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева в Москве).

«Театральный музей организовал в Доме работников просвещения выставку «Грибоедов в Грузии», – писал журналист, неутомимый исследователь русско-грузинских культурных связей Владимир Головин. – Было представлено около трехсот экспонатов и издан замечательный каталог. Материалы о жизни и творчестве писателя были настолько значительны, что ими заинтересовался Московский государственный театральный музей.

этих материалов, собранных Арсенишвили и его единомышленниками, потом был основан Литературный музей Грузии».

В фондах музея хранится фотография, снятая во время выставки Грибоедова – старое черно-белое фото, со многими трещинами и царапинами. Несмотря на повреждения, по снимку все же можно судить, насколько обширной была экспозиция. На сайте музея указано, что «на этом фото изображен куратор выставки Грибоедова Давид Арсенишвили (в модных черных очках) и директор Дома учителя Иван Ениколопашвили с супругой. Выставка, посвященная Грибоедову, Дом работников просвещения, Тбилиси, ориентировочно июль 1929 года».

Несколько лет назад музей посетила съемочная группа российского телеканала «Культура» с целью ознакомления с хранящимися в его фондах экспоната-

Цинандальский герб семьи Чавчавадзе

Музыкальная шкатулка
Александра Чавчавадзе

Чернильница Нино Чавчавадзе

Он пригласил Арсенишвили принять участие в своей выставке, посвященной Грибоедову. Затем в Тбилиси, по просьбе Арсенишвили, эта выставка стала постоянной, власти решили разместить ее в двух комнатах большого дома, стоявшего у церкви Святого Давида рядом с могилой Грибоедова. Этот дом принадлежал священнику Мачарашвили. В этой экспозиции было немало материалов и о выдающихся поэтах Грузии первой половины XIX века, о Пушкине, Лермонтове, видных военных и политических деятелях, о литературных салонах Тифлиса. Именно на основе

ми, и журналисты были изумлены обилием материалов, касающихся Грибоедова, в то время, как в России мало что сохранилось.

Помимо вышеупомянутого письменного прибора Нино Чавчавадзе, здесь хранится несколько экспонатов с той самой выставки 1929 года. Например, карманная подзорная труба Александра Грибоедова, датированная периодом до 1829 года, сделанная из серебра, украшенная бирюзой и жемчугами (размер 3х3 см, вес 32,2 гр). Цинандальский фамильный герб и печать семьи Чавчавадзе, (сталь, 3,3х2,5 см и 7х14 см). Единствен-

ная сохранившаяся фотография Нино Чавчавадзе, снятая до 1854 года, вставлена в рамку из красного бархата (10,2х8 см), она приобрела широкую известность и распространена в сети интернет. Чего не скажешь о живописном портрете Нино (до 1854 года) работы кисти Елены Франкен, русской художницы немецкого происхождения, многие годы жившей на Кавказе и создавшей портреты представителей грузинской аристократии. Вероятно, немногие знают о том, что генерал-лейтенант Александр Чавчавадзе был награжден Мальтийским крестом, который также хранится в фондах музея, равно как и принадлежавшая ему музыкальная шкатулка.

По словам сотрудников музея, экспозиция будет открыта для посетителей на протяжении двух месяцев, и все желающие смогут ознакомиться с уникальными экспонатами.

Использованы фотографии с сайта Литературного музея Грузии.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

В грузинской столице с аншлагом прошли три премьерных показа сербско-русской версии «Обыкновенной истории» Кирилла Серебренникова. Знаменитый режиссер не побоялся показать классику с налетом пыли времен

сербских актеров. Как известно, «Обыкновенная история» считалась одним из самых популярных спектаклей «Гоголь-центра», который шел на его сцене с 2014 года и на протяжении всех лет существования театра. Сашу и

рийного убийцы, который начал убивать с себя.

Как и всегда, все началось с мечты. Главный герой, 20-летний сын небогатой провинциальной помещицы, Саша Адуев, мечтал о трех вещах: славе писателя и

Сцены из спектакля «Обыкновенная история»

(свой одноименный роман Иван Гончаров опубликовал в 1847-м) через призму современной жизни так, что люди в зале шептались: «Почти два века прошло, а проблемы все те же».

ВЕЧНАЯ БОРЬБА СВЕТА И ТЬМЫ

Жестокая дегуманизация — именно так можно было назвать спектакль, основанный Серебренниковым на его же собственной пьесе по известному произведению Гончарова. Обновленная международная версия постановки объединила артистов «Гоголь-центра» и

Петра Адуевых сыграли Филипп Авдеев и Алексей Агранович соответственно. Остальной каст после физического закрытия ГЦ в Москве сменился полностью.

Сюжетные линии и контекст постановщик оставил на полотне повествования неизменными толстыми мазками, а язык пьесы, острый и точный, предельно современен. Но тот акт порождения тьмы из света, за которым зрители, затаив дыхание, наблюдали в течение трех с половиной часов (с антрактом), действительно, впечатляет. Это как любимый всеми True Crime — леденящая душу история о становлении се-

поэта, вечной любви и верной дружбе. Именно с этой возвышенной целью романтический юноша едет покорять столицу (у Серебренникова это не Санкт-Петербург, а Москва). Но на пороге дома родного дядюшки Петра Адуева его грубо скручивает охранник, а сам родственник брезгливо сторонится племянника, сжигает взятую Сашей на память прядь волос возлюбленной и вдребезги ломает на сцене его любимую гитару. Адуев-старший не терпит романтики, стабильно придерживаясь принципов прагматизма, рационализма и упорного стремления к финансовому

благополучию:

– Туго тебе здесь придется, племянник.

– Почему?

– Блеску в глазах много.

На сцене мы видим преуспевающего дядюшку – авторитетного бизнесмена, жесткого и юморного («добро-бобро»). Только деятельность у предпринимателя неординарная – торговля искусственным светом. При этом сам он больше похож на князя тьмы, такой вальяжный, а-ля булгаковский Воланд. И его ослепительно-белый, молочный, безжизненный, офисный свет (кстати, офис тут называют «корзиной», куда невзначай складывают мусор-взятки)

ГРЕХОПАДЕНИЕ

Но интуицию и жизненный опыт, как говорится, не пропьешь! Поэтому все слова и предсказания слишком трезво мыслящего дядюшки-Ванги сбываются на глазах: Саша забывает свою деревенскую возлюбленную Сонечку, а с ней теряет и старого друга, а затем матушку – вместе со всеми своими ценностями. Идеализм Саши плавно перетекает в ожесточение, очарование – в разочарование, а его темный путь уже напоминает отход от Бога.

Мы словно видим сказку про оборотня, на которого уже не действуют лепетания матушки,

«Обломов» и «Обрыв», а может, просто общество с ограниченной ответственностью?!

При этом удивительно, но спектакль вроде бы ни капли не сквозит каким-то пессимизмом или трагедией, скорее все тут банально и до боли знакомо. И черты прожженного олигарха, плюющего с высоты своего полета на всех и вся (хотя известно, что при всех деньгах от рака умирают

заливает всю сцену свисающими светодиодными лампами, которые не греют, а постепенно вводят тебя в тихую панику. С ними конкурирует только темнота: вне и внутри людей. И Петр Адуев в авангарде. Хотя есть одно «но»: чуть позже мы понимаем, что герой Алексея Аграновича, Петр Адуев, не полностью прогнил: именно он, тот, кто с пеной у рта протестовал против жизни чувствами в угоду жизни рассудком, влюбляется в Лизу и женится, а также проявляет какой-никакой интерес к новоявленному единственному племяннику.

беременной экс-возлюбленной и всей бывшей жизни, которая теперь для него нереальна и не ценна. Ведь цену имеют лишь богатая невеста и три огромных неоновых нуля на сцене, символизирующие богатство, стабильность и абсолютный ноль гуманизма. Кстати, браво Кириллу Серебренникову за креативное использование трех ОО: то ли режиссер выстроил свои три «О» – спектакли «Отморозки» (2011) по Захару Прилепину, «Околоноля» (2011) по Натану Дубовицкому и «Обыкновенная история», то ли это намек на трилогию Гончарова – «Обыкновенная история»,

даже Стив Джобсы!), и эти вездесущие интрижки с влиятельными «чиновницами» типа Тафаевой, и вся эта горькая, горькая ирония судьбы.

Тем временем все представление, как грубым швом, пронизывает оставляющая металлический вкус на языке условность – в словах, взглядах и поступках героев пьесы. Да такая, что порой ты сомневаешься: не произошла ли эта история с кем-то из твоих знакомых, или ты вроде бы ее даже уже где-то слышал... А в какой-то момент упираешься в мысль: может, условны тут и вообще мы?

Конечно, Серебренников – король метафор, а его пьеса концептуально многослойна, как слоеный сербский пирог бурек. Чего только стоит почти люциферская хромота его дядюшки («хромает, как бес»), это параноидальное выбивание пробок или короткое замыкание, знак московского метро «М», который к концу спектакля перевернут вверх тормашками и превращается в «W» (символ Воланда из «Мастера и Маргариты» Я. Саса в МХТ), дог Князь, пес Юлии Павловны (по приказу дяди племянник «влюбляет» в себя не-

рах, с пастями, застегнутыми на молнии.

Наконец, тут можно раскусить нуар в чистом виде: вселенский диалог черного и белого, белые лилии, черные полиэтиленовые мешки с мусором, да и сам жанр спектакля – черная комедия. Только вот смешно во время представления крайне редко.

ЗУБАСТЫЙ ФИНАЛ

«Обыкновенная история» по-серебренниковски – это хроматоскоп любви и ненависти самонадеянного человека и зловещего мегаполиса, новое обму-

любые рефлексии, кроме троп, ведущих к деньгам. Его перевоплощение красноречиво выражается даже в его внешности – нас поражает холодный взгляд черных глаз в контактных линзах и зубные протезы во рту, изменившие речь актера Филиппа Авдеева. В кожаной куртке, с волосами, прилизанными гелем, он рассказывает, какие большие воротит дела. И траурный венчик «Триколор» у гроба – новый атрибут успеха. Новый Саша неуместен на этих похоронах, но его новой версии на это наплевать.

История инициации Саши Адуева приобретает у Серебренникова не простые, а почти фаустовские масштабы – герой продает душу Дьяволу. На похоронах супруги Адуева-старшего мы видим, что Саша тоже начинает хромоту – упал, катаясь на лыжах. Он хвастается дяде, что идет в Министерство Света на должность министра, и зовет его в свои замы: «Мы же всех порвем с божьей помощью. Мы всю страну зальем нашим светом!» Петр с горечью осознает содеянное: он породил этого монстра, и монстр занял его место под солнцем, под неоновым.

Полная трансформация и расчеловечивание in action. Хотя ставить на всем этом крест или не спешить – независимый выбор зрителя. В финале вокруг тишина, темно, как во время самой темной ночи человечества на Земле, и только робкие, а потом возрастающие шумные аплодисменты возвращают вас в реальность из мира придуманного. Но придуманного ли?

Кстати, сам Агранович на вопрос журналистов, как решить дилемму – убийственный цинизм или безответственный идеализм, ответил: «Тут правды нет никакой. В каждом из нас живет два Адуевых и оставаться одним из них в чистом виде значит быть или идиотом, или законченным циником. Надо доверяться Богу, судьбе – делай что должно, и будь что будет. Для меня в этом спектакле очень важен финал, который придумал Кирилл, – это такой реквием по исчезающему человеческому виду. Пришли новые люди, но... мы же их сами вырастили. Все превращается в ничто – в этом главная заслуга и высказывание Кирилла».

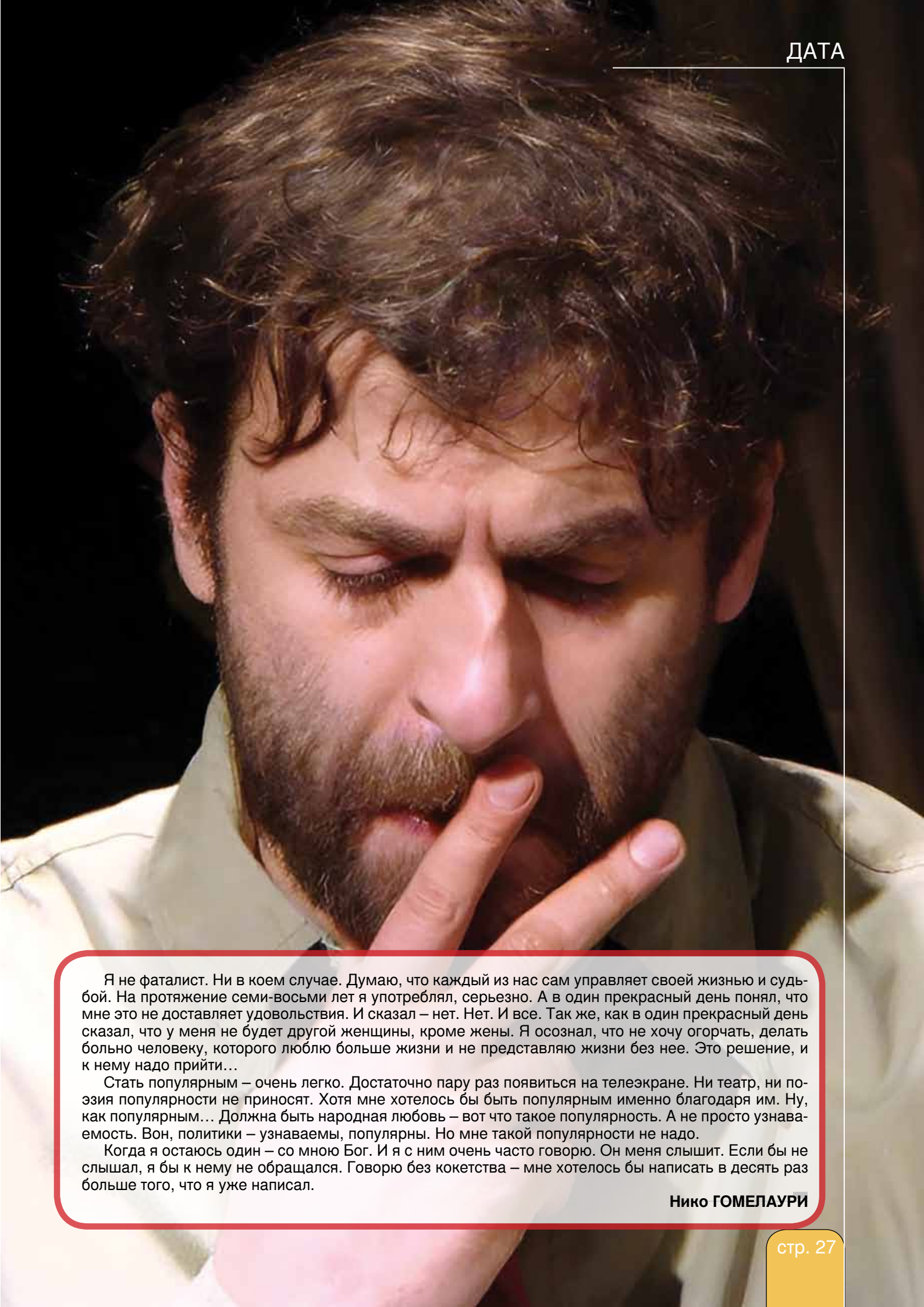
молодую богатую чиновницу, чья подпись очень нужна ему для бизнеса), охраняющий хозяйку почти как адский страж! Причем в первом действии этот же Князь, только в образе Графа в кожаной маске для садо-мазо, согласно режиссерской задумке Серебренникова, конкурирует с Сашей в завоевании сердца и тела Наденьки Любецкой (их «но-но-но» – один из самых удачных ходов постановщика). Все вышеописанное делает спектакль почти мистическим, ну, с налетом мистической пыльцы – уж точно, иногда, правда, граничащей с карикатурностью.

Из интересных и смелых решений Серебренникова хочется отметить социальный рок, полное обнажение Саши Адуева во время вальса с Тафаевой, компьютерную томографию на сцене, приходской хор на бэк-вокале, а также собачьи головы на акте-

соливание темы: что есть мечта и что есть успех? Надо ли губить себя и свои убеждения во имя богатства, или что потом делать с нечистой совестью?

Финальная сцена – самая мощная и неминуемая: Лиза, Лизавета Александровна, сочувствующая, понимающая и добрая жена Петра Адуева, пожалуй, один из самых симпатичных персонажей на сцене, покидает этот непритязательный мир, сгорая дотла сначала в результате недуга, а потом и физически, в ходе самой всепоглощающей кремации. А наши главные герои, Ангел и Бес, тихо меняются местами. Петр уступает место Адуеву-младшему, обскакавшему его на всех фронтах и уровнях цинизма.

Так Саша послушно, точно следуя пошаговой рекомендации своего дядюшки, становится безликим монстром, отвергающим

Я не фаталист. Ни в коем случае. Думаю, что каждый из нас сам управляет своей жизнью и судьбой. На протяжении семи-восьми лет я употреблял, серьезно. А в один прекрасный день понял, что мне это не доставляет удовольствия. И сказал – нет. Нет. И все. Так же, как в один прекрасный день сказал, что у меня не будет другой женщины, кроме жены. Я осознал, что не хочу огорчать, делать больно человеку, которого люблю больше жизни и не представляю жизни без нее. Это решение, и к нему надо прийти...

Стать популярным – очень легко. Достаточно пару раз появиться на телеэкране. Ни театр, ни поэзия популярности не приносят. Хотя мне хотелось бы быть популярным именно благодаря им. Ну, как популярным... Должна быть народная любовь – вот что такое популярность. А не просто узнаваемость. Вон, политики – узнаваемы, популярны. Но мне такой популярности не надо.

Когда я остаюсь один – со мною Бог. И я с ним очень часто говорю. Он меня слышит. Если бы не слышал, я бы к нему не обращался. Говорю без кокетства – мне хотелось бы написать в десять раз больше того, что я уже написал.

Нико ГОМЕЛАУРИ

Могильщик

■ Галактион ТАБИДЗЕ

Перевод Паолы УРУШАДЗЕ

...Так ты думаешь, Могильщик, что у скорби
срок недолог –
Что живые забывают даже тех, кто был им дорог?

Нет, я этому не верю... Что тут спорить, и
доколе?..

Прекрати... твоя усмешка вс больней мне
сердце колет.

Роз цветенье – май в разгаре, ветерок
травинки спутал.

Рой цветов, подобно снегу, ветви легкие
окутал.

Солнце обняло лучами, обвело любовным
взглядом

Реки, просеки, причалы, склонов пестрые
наряды...

Погляди: вдова у входа – в скорбном
траурном уборе,

Как юна, как одинока, как прекрасна она
в горе...

Не вчера ли это было, – здесь она прощалась
с милым,

Проливая слез потоки на краю его могилы.
И сегодня на погосте та же боль ей сердце

глохнет –
Тот, кого уж нет на свете, для нее всего

дороже.
Лишь сюда она приходит, позабыв пути иные,

Излучают лишь страданье ее очи неземные.
По плечам развеет косы и рыдает. Безутешно.

Светит солнце, дышат розы, а она – во мгле
крошечной...

Жизнь угасла, стала адом, согласись со мной,
Могильщик, –

Смерти ей искать не надо, смерть сама ее
отыщет...

Как помочь ей, я не знаю, мы с тобой напрасно
спорим,

Слышишь, как она стонет, обессиленная
горем:

«Пусть исчезну, как туман, я, как видение
ночное,

Навсегда пускай лишусь я утешенья и покоя,
Пусть твой взор, укором полон, мне мерещится

повсюду,

Если я тебя не вспомню, если я тебя забуду!»
Неужели снова скажешь, что у скорби срок

недолог,
Что живые забывают даже тех, кто был им

дорог?
Или вот еще! Послушай! Снова колокол

резвонит,
Юноша, убитый горем, свою милую хоронит.

От любимых черт он взора ни на миг не
отрывает.

Нет! Любви, подобно этой, в мире дважды
не бывает.

И ничто на этом свете это горе не измерит,

Все никак не наглядится... Все глазам своим
не верит...

И клянется он: «Пусть ветер по полям мой
прах развеет,

Пусть весной мою могилу солнца луч не
обогреет,

Пусть исчезну, как туман, я, как видение
ночное,

Навсегда пускай лишусь я утешенья и покоя,
Пусть твой взор, укором полон, мне

мерещится повсюду,
Если я тебя не вспомню, если я тебя забуду!»

А теперь ты снова скажешь, что у скорби срок
недолог,

Что живые забывают даже тех, был им дорог?
Вновь вдова сюда приходит в том же,

траурном, наряде,
На холодный камень сядет, по плечам

раскинет пряди...

С нею розы неизменно – полевые розы мая,
Чтобы алели на могиле, белый мрамор

согревая.

И сама она, как роза, увядает... увядает...
Бледность лик ее покрыла, и тоска ее

снедает...

Как угасли ее очи, позабыв о сне, покое!
Так бывает, когда ночью вспоминается бывшее.

Что, Могильщик, снова скажешь, что у скорби
срок недолог,

Что живые забывают даже тех кто был им
дорог?

Вот и юноша, который здесь прощался с
 прахом милой,
 Дни проводит на погосте — быть живым ему
 постыло.
 Весь истерзанный печалью, как свеча,
 он тает... тает...
 Не друзьям, а лишь могиле свою скорбь он
 поверяет.
 И его глаза угасли, позабыв о сне, покое,
 Как у всех, кому ночами вспоминается
 бывшее...
 После этого ты веришь, что у скорби срок
 недолог,
 Что живые забывают даже тех,
 кто был им дорог?
 Юношу вдова сегодня, вдруг узрела
 ненароком,
 Пожалела о несчастном, о таком же
 одиноком:
 «Бесконечно его горе, необъятно его сердце,
 Сколько мук оно выносит, обездоленное
 смертью!»
 И в глазах ее невольно состраданье
 отразилось.
 Встретив взгляд ее безмолвный, сердце
 юноши забилося.
 Ты ж насмешливо смеешься так, как будто
 между ними
 Уж успела протянуться нить, которая незримо,
 Словно цепь, нерасторжимо две души
 соединяет.
 Трудно в это мне поверить, так на свете не
 бывает.
 Ведь когда усопших с клятвой до могилы
 провожают,
 До последних дней ту клятву нерушимо
 соблюдают.
 Испытай ты хоть частичку этой скорби,
 этой боли,
 Мы б не спорили с тобою о людской —
 посмертной — доле
 Что с того, что ранним утром, к сердцу розу
 прижимая,
 Он печально прошептал ей: «Я люблю тебя,
 родная.
 Нас одно постигло горе, путь один нам
 предназначен,
 Приглядишься ко мне — любовью я, как
 пламенем, охвачен...
 Те, кому верны мы были... их давно уж нет
 на свете,
 Не разверзнут их могилы наши клятвы и обеты.
 Познабуждем же бывшее, время слез, тоски
 напрасной...
 Станешь ты моей женою — станет снова жизнь
 прекрасной!»

Что ж, послушаем, Могильщик, что она ему
 ответит.
 Если юноша бездумно о своем забыл обете,
 То в ее измену клятве не поверю никогда я.
 Не вчера ли здесь стояла она, горестно
 рыдая?
 Разве место у могилы лживым клятвам и
 зарокам?
 Вот, увидишь, как за дерзость он поплатится
 жестоко.
 Но она... О, Боже правый, робко голову
 склонила,
 Прошептала: «Я согласна, позабудем то,
 что было,
 Да и я почти забыла... Мне грядущее милее.
 Я твоя, твоя навеки... Уведи меня скорее!»
 О, как прав ты был, Могильщик: путь к
 забвению недолог,
 Миг, и мы уже не помним даже тех, кто был
 нам дорог...
 А они теперь, наверно, неразлучны... Дни
 проходят,
 Одинокие могилы никого уж не заботят.
 Заросли они травой, белый мрамор пыль
 покрыла,
 Без ухода блекнут розы, лепестки склонив
 уныло.
 Вы ж, забытые живыми, сном спокойным
 спите... спите...
 Суета уж не проникнет в вашу тихую обитель.
 Спите с миром, сон ваш вечен, и конца ему не
 будет...
 Что с того, что на могилу не несут цветы вам
 люди?
 Да и чем помочь вам смогут смертных
 тщетные рыдания?
 Ведь от сна вас не пробудят ни любовь, ни
 состраданье...
 В мире есть порядок вечный — все живое
 умирает, —
 Жаль того лишь, кто беспечно вдруг об этом
 забывает...
 С колокольни звон несется... Мир оставили те
 двое,
 Забивает гроб Могильщик — гроб с серебряной
 каймою...
 Забивая, думам тайным улыбается зловеще —
 От него ничто не скрыто... Знает все
 Могильщик вещей.
 Вы ж, забытые живыми, сном спокойным
 спите вечно,
 Сколько раз желанным будет мне покой ваш
 бесконечный!

1914

СТАЛИН, ХРУЩЕВ, БРЕЖНЕВ

Воспоминания, портреты

■ Дэви СТУРУА

СТАЛИН

Продолжение

Второй рассказ моего отца о Сталине – «Вторая встреча в Москве»:

«В 1922 году я жил в Москве и был заместителем полпреда Грузинской ССР в РСФСР тов. Миха Цхакая. Сижу я у себя в кабинете. Вдруг раздается телефонный звонок. Беру трубку. Говорит помощник товарища Сталина (Сталин тогда был секретарем ЦК РКП(б)). Он передает мне, чтобы я немедленно приехал в ЦК, Сталин вызывает.

Приезжаю в ЦК. Помощник сразу докладывает Сталину. Я вхожу в огромный кабинет, а товарищ Сталин ходит взад и вперед по кабинету. Он был во френче, в сапогах, в одной руке держал чубук, другая просунута в карман. Поздоровались. Спросил, как Миха поживает, и, не дожидаясь ответа, задал тут же другой вопрос: «Он работает больше в представительстве или в Коминтерне?». Я ответил, что он работает и там, и там. Улыбнулся, ничего не сказал и после мгновенной паузы спросил: «А вы сможете отвезти одно письмо в Тифлис и доста-

вить товарищу Серго (Орджоникидзе)?». Я ответил буквально так: «Если нужно, почему не могу?». Ну и досталось мне от него из-за этого «если»! – «А как вы думаете, – говорит он, – если бы не нужно было, зачем тогда предложили бы?». Тогда я ответил без «если», что – могу. «Тогда», – произнес как-то особым тоном товарищ Сталин и задал вопрос: «Не потеряете?». Я говорю, что не потеряю. «А если потеряете?». Я повторил, что не потеряю. «Ну а если все же потеряете?». Тогда я ответил, что отвечаю головой. Тогда он говорит: «Меня ваша голова не интересует, меня интересует пакет». – «Все будет сделано, товарищ Сталин», – сказал я.

После этих вопросов и ответов он сказал, чтобы я на второй день в 6 часов был у него и что он заготовит письмо, и я от него прямо поеду на вокзал, чтобы поехать в Тифлис. Так как в 1922 году трудно было достать билет, я выразил сомнение, что сумею достать билет. «Вам говорят, что вы отсюда поедете прямо на вокзал, а о билетах можете не беспокоиться».

Тогда я понял, что ЦК обеспечит билетом, и сказал, что в назначенное время буду у него.

На второй день прихожу к нему. Он открывает несгора-

емый шкаф, достает письмо, запечатанное в обыкновенном маленьком почтовом конверте, передает мне и говорит: «Отвезите товарищу Серго. Дайте ему лично. Пусть при вас вскрыет, прочтет и пусть при вас так же запечатает, как оно запечатано, и привезите обратно мне». Затем вызвал своего пома и велел ему отправить меня на вокзал. Попрощались, я и пом вместе вышли из кабинета. Пом вынул из своего несгораемого шкафа билет в международный вагон второй категории в двухместное купе и, посадив меня в машину, сказал: «С вами в купе будет ехать товарищ такой-то». Я сказал – пожалуйста! И уехал на вокзал.

Здесь я опускаю некоторые подробности, хоть очень интересные, но удлиняющие статью, затянувшуюся и без них.

Письмо Сталина я еще при нем положил в боковой внутренний карман пиджака. Дело было в октябре, и мороз стоял довольно крепкий. Я занял свое место в купе, а через несколько минут явился и мой спутник. Вагон не топили, а потому температура в вагоне мало чем отличалась от температуры вне вагона. Сидели мы оба одетые в пальто, и раздеваться, чтобы лечь, было крайне неприятно из-за холода. Но в конце концов все же стали лениво раздеваться и залезли в мерзлую постель, а свои пальто и костюмы повесили на вешалку. У меня место было нижнее, а сосед занимал верхнюю полку.

Легли. Холодно. Не спится. Спутник мой, слышу, захрапел, а мне все еще не спится, не спится не столько от холода, но больше всего от беспокойства за письмо, помня слова Сталина. А письмо у меня в кармане пиджака, который висел на вешалке. Подумал встать, взять письмо из кармана, положить в портфель и спрятать его под голову. Но вставать было ужасно неприятно из-за холода. Вот, лежа в постели, я начал анализировать – кто может войти в купе, чтобы письму угрожало потерей. После тщательного анализа пришел к выводу – никто. И решил заснуть, но какой-то червь стал сверлить мозг и не

давал спать. Во мне образовались два человека: один говорил – возьми письмо, а другой – можно не брать. И снова я подверг основательному анализу вопрос о том, брать или нет, и снова пришел к выводу – письму ничего не угрожает, так как купе имело только одну дверь, которая была закрыта и на замок, и на цепочку внутри, а окна двойные были наглухо закрыты. Закрыв глаза, чтобы заснуть. Но не тут-то было. Червь опять заработал, и я опять начал заниматься анализом. И так я много раз всегда приходил к заключению, что нет оснований бояться за письмо. Так продолжалось долго, а мой сосед безмятежно храпел. Наконец, мне надоело все это, и я встал. Вынул из кармана письмо, положил его в портфель, поднял матрац, на котором лежал, и под него положил портфель. После этого заснул крепко и только утром проснулся, когда услышал голос соседа, который, сидя на полке, свесил ноги и неистовым голосом звал меня:

– Георгий, Георгий, а где мои брюки?!

Я лежал лицом к стенке и, повернув голову, увидел только ноги соседа, который беспрерывно спрашивал о брюках. Я бросил взгляд в сторону вешалки и, о ужас! Там, где висели два зимних пальто и два зимних костюма, не было никаких намеков на присутствие одежды. Я моментально вскочил, поднял матрац, схватил портфель и смотрю – не пропало ли письмо. Оно, конечно, в портфеле. Я стал хохотать, что «голова спасена», а сосед испугался – не рехнулся ли я.

Потом, немножко придя в себя, я стал принимать меры. Вызвал проводников вагона. Все солидные люди. Один говорит: «27 лет служу, и у меня такого не бывало». Другой говорит: «31 год проводником служу, и не случилось ничего подобного». Вызываю начальника поезда, а он стал нелепо обвинять нас, что мы дверь оставили открытой, чего не было на самом деле.

На ближайшей станции я как зам. дипломатического представителя Грузинской ССР в

РСФСР, пользуясь экстерриториальными правами, потребовал обыска всего поезда. Однако тщательный обыск ничего не дал. Затем я потребовал список всего состава служащих поезда, начиная от самого нач. поезда до последнего кочегара. В этом поезде ехал, оказывается, начальник Азнефти, тов. Серебровский, который дал мне свой старый костюм, а у моего соседа оказался старый костюм в чемодане. И так мы прибыли в Тифлис.

Было шесть часов утра. Я прямо с вокзала отправился на квартиру тов. Серго Орджоникидзе. После настойчивых звонков открыла дверь жена Серго – тов. Зина. Она высунула голову из приоткрытой двери и удивилась такому раннему посещению. Я сказал, что приехал из Москвы по заданию товарища Сталина. Оказывается, этот разговор услышал тов. Серго и своим полубаритонным голосом сказал Зине: «Давай сюда его!» Я вошел из передней в столовую, и через несколько минут он читал письмо Сталина. Выругался крепко по адресу кого-то, не называя имени. Затем вызвал машину, и мы оба поехали в ЦК КП Грузии. Там, кроме дежурного, не было никого. Серго дал задание вызвать в ЦК всех членов Президиума ЦК.

Через час Серго открыл заседание Президиума и прочел письмо товарища Сталина. Я только тогда узнал содержание привезенного мною письма. Оно касалось одного из членов Президиума ЦК КП Грузии. Оно настолько секретным было, что я и сейчас не вправе об этом ни говорить, ни, тем более, писать. Для этого, наверно, потребуется много десятков лет, чтобы сделать гласным то, что было сказано в письме.

После заседания Президиума Серго взял меня к себе, и когда я ему рассказал о подробностях, как нас обворовали в вагоне, сказал мне, что письмо сам отвезет тов. Сталину, когда поедет в Москву, чтобы гарантировать верное возвращение письма. Я с ним не мог не согласиться, и через несколько дней, как только справил костюм, вернулся в Москву.

В тот же день я был принят товарищем Сталиным, которому я подробно рассказал все.

Помолчав немного, Иосиф Виссарионович сказал мне: «Не зря же я вас предостерегал». Потом он спросил: «А как реагировал тов. Н. (которого письмо касалось)?». После моей информации тов. Сталин махнул рукой по адресу Н. и сказал: «Никогда он не был марксистом и не будет». Так закончился наш разговор.

Несколько комментариев. Тов. Н. – это один из старейших партийцев, руководитель молодой Советской республики Грузии Ф.И. Махарадзе. «Провинился» он в следующем. В своем интервью иностранным корреспондентам Махарадзе проговорился, что Советскую власть в Грузии установили не восставшие рабочие и крестьяне, а части Красной Армии (11-ой армии). В мировой печати поднялся переполох. Сталин в этом злополучном письме предлагал Орджоникидзе обсудить этот вопрос на президиуме ЦК КП(б) Грузии, наказать Махарадзе и предложить ему выступить с опровержением перед теми же иностранными журналистами. Естественно, Сталин беспокоился, чтоб письмо такого содержания не оказалось бы в чужих руках. Мог быть еще худший скандал.

Что же касается слов «твоя голова меня не интересует», отец их прокомментировал следующим образом: «Я, конечно, сильно обиделся тогда, но, знаешь, обида проходит, а опыт остается. После этого я навсегда разучился произносить громкие слова».

...Отец уважал и любил Сталина и после того, как с ним (отцом) поступили подло и гнусно. Он написал Сталину письмо, полное горечи и негодования. Мы были в полной уверенности, что если это письмо покажут Сталину, нам не миновать репрессий, но надеялись, что такое дерзкое письмо ему показать не посмеют.

Однако в один «прекрасный день» отцу поздним вечером позвонил Поскребышев и

сказал буквально следующее: «Ваше письмо товарищ Сталин прочел. Он вас примет». Это было, если я не ошибаюсь, в 1949 году, после торжеств в связи с семидесятилетием Сталина. Письмо отца было невероятным контрастом с тем потоком отвратительной лести и раболепия, которые излились на страницах наших газет и журналов, в юбилейных изданиях и т.д. Кто знает, быть может, честные и прямые слова настоящего большевика, а не омерзительного подхалима и холуя, даже понравились Сталину и вызвали благородное движение в его душе? Кто знает...

Отец жил ожиданием этого приема. Он составил конспект своей беседы со Сталиным. О себе там была одна строка, а остальные — о необходимости реабилитировать оклеветанных и погубленных товарищей.

Сталин не принял отца.

Когда Сталин умер и началась кампания по развенчанию культа личности, к отцу обратилось тогдашнее руководство ЦК КП Грузии с предложением выступить против Сталина. «Он же к вам отнесся несправедливо», — говорили ему.

Отец несказанно обрадовался, когда началась реабилитация невинно пострадавших. Несмотря на преклонный возраст, он буквально день и ночь напролет писал в судебные органы, прокуратуру и ЦК о тех, кого он знал лично и кто были репрессированы в разные годы, на предмет их реабилитации. Но выступить публично против Сталина он отказался наотрез. «Сталин, безусловно, несет львиную долю ответственности за все эти преступления, но я не могу выступить против него», — говорил он.

Мартовские дни 1956-го в Тбилиси он перенес тяжело, собственно, он их и не перенес. Он умер первого апреля этого же года.

«Как это случилось? Стреляли в грузинских детей, которым столько лет вдалбливали, что Сталин — величайший вождь всех времен и народов, что он гений, что он прославил Грузию по всей планете. И что удивительного в том, что они, как могут, защищают память Ста-

лина?.. За это надо в них стрелять?! Непостижимо».

Отец и я присутствовали на ноябрьском торжественном заседании в Кремле, в 1944 году, на котором с докладом выступил И.В. Сталин. Мне было тогда 13 лет, и у меня не было удостоверения личности, но я был вписан в паспорт моего отца, и только это удостоверяло мою личность, что было необходимо при сверке пригласительного билета с документом.

Мне хорошо запомнились многочисленные цепи солдат еще далеко до входа в Кремль под Спасской башней. Проверяли долго и тщательно. В нашем случае офицеров, проверявших пригласительные билеты, явно смущало то, что я был несовершеннолетним, не имел удостоверения личности и был лишь вписан в отцовский паспорт.

Особенно дотошная проверка состоялась у входа в Кремлевский дворец. Офицер, проверявший пригласительные билеты, вежливо спросил отца, нет ли у него оружия, на что отец ответил: «Нет, мы разоружены». Офицер улыбнулся уголками губ, взял руку под козырек и щелкнул каблуками, очевидно, своеобразной шуткой отвечая на шутку отца...

Председательствующий Предмосгорисполкома Пронин первым возник из кулуара президиума продолговатого, залитого ярким светом Большого кремлевского зала. Через некоторое время появился Сталин в маршальской форме и чуть поодаль — члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Зал взорвался. Это надрывное «ррааа!» длилось, пожалуй, минут десять, а, может быть, и больше. Ни звонки Пронина, ни «умиротворяющие» жесты самого Сталина не смогли утихомирить эту разбушевавшуюся стихию.

С точки зрения сегодняшнего дня, дня отрицания, сокрушения всех и вся и самобичевания, все это видится как нечто чрезмерно утрированное, противоестественное, никак не вязавшееся с нормами цивилизованного бытия, но тогда это было вполне нормальным поведением собравшей в один восторженный

кулак массы, и было бы странным, если б эта масса, а она состояла из избранных, повела себя по-иному.

И опять свидетельствую: не было никакого страха, элемента какого-либо принуждения. Вполне возможно, что раньше были и страх, и принуждение, но в ноябре 1944-го был восторг, обожание, соприкосновение с богом во плоти, который после всех этих бурных излияний заговорил спокойно и уверенно, без всяких ораторских приемов, я бы даже сказал, буднично, и абсолютно без того провинциального, раздражающего акцента, на который педалируют почти все грузины и негры — актеры, исполнявшие в разные времена роль Сталина.

Запомнилось хорошо два момента. Когда Сталин говорил о том, что Советская армия борется не только за освобождение СССР от коричневой чумы, но и за освобождение всего мира, он неожиданно вскинул свою маленькую, красивую руку в сторону находящихся на верхней части Большого кремлевского зала лож, в которых сидели аккредитованные в СССР дипломаты и зарубежные гости. Этот выразительный жест был замечен и оценен по достоинству. Чинные дипломаты повскакали со своих мест, бурно захлопали и стали выкрикивать приветственные слова. И второй момент. В какой-то миг на Сталина направили все прожекторы — «юпитеры», и он как бы исчез в золотой, солнечной пелене. Видимо, это мешало Сталину. Он вдруг остановился и повернулся всем корпусом сперва к одной группе «юпитеров», а затем к другой. Этого оказалось достаточно. «Юпитеры» дружно повернулись в сторону зала.

Сталин вышел к трибуне без всяких папок и бумаг. Доклад, вероятно, заранее был положен на трибуну. Сталин говорил медленно, порой с большими паузами, как-то отрывисто, совсем не глухо. Иногда посматривал на пюпитр трибуны, видимо, чтоб не отрываться от текста доклада.

Отец, мой старший брат Мэлор, ныне известный журналист-международник и писатель, бесценный известинец, и я

присутствовали на параде Победы в июне 1945-го года. Запомнилось, как на Сталина накинули плащ, чтобы уберечь его от дождя, и как он торжественно застыл, когда бойцы Советской армии швыряли к подножию Мавзолея Ленина фашистские штандарты...

На торжественном заседании, посвященном семидесятилетию Сталина, были отец, Мэлор и я. Торжества состоялись в Большом театре, в декабре 1949-го года. Пригласительные билеты нам любезно предоставил Анастас Иванович Микоян, несмотря на то, что отец уже был «опальным».

Надо объективно сказать, что Микоян часто проявлял исключительную смелость и благородство. За его столом всегда сидели не только сами «опальные» или их дети, но даже родня тех репрессированных товарищей, которых лично знал и с которыми дружил Анастас Иванович. Микоян, конечно же, не мог сомневаться в том, что Сталину, безусловно, докладывали об этой «слабости» его соратника, но, видимо, Сталин относился к этому с пониманием или снисходительно, иначе могла разразиться гроза и, быть может, Микояну не сносить головы. Так или иначе, повторяю, на званых обедах и ужинах у Микоянов бывали дети репрессированных и «опальных», а младший сын Анастаса Ивановича, Серго, и вовсе женился на дочери снятого со своего поста, а впоследствии расстрелянного по пресловутому «ленинградскому делу» секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова – Алле. Оба – и Серго, и Алла – были очень худые, весили по 40 килограммов, и Микоян любил шутить, что один Дэви весит больше (тогда во мне было 84 килограмма), чем Алла и Серго вместе взятые.

О торжествах по поводу 70-летия Сталина исписано много бумаг, излито уйма желчи, так что добавлять, как будто, нечего.

Но запомнился один момент, о котором почему-то не пишут.

После того, как Сталина приветствовал Мао Цзедун (он говорил долго, неожиданно для его грузной, внушительной фигуры – высоким тенорком), на трибуну поднялся молодой, светловоло-

сый переводчик и начал бойко: «Дорогой товарищ Сталин...». И тут раздался четкий, отрывистый голос Сталина (он сидел рядом с председателем торжественного заседания, и перед ними находились услужливо изогнутые микрофоны, потому-то и было слышно): «Кто это меня приветствует?». Председательствующий, это был Шверник, наклонился к Сталину и что-то шепнул ему на ухо, очевидно, сказал, что это переводчик. Сталин, в свою очередь, сказал что-то Швернику. Тот позволил сидящего позади него, надо думать, своего помощника или заместителя и что-то быстро шепнул ему на ухо. Зам или пом пулей рванулся к переводчику и о чем-то спросил его. Получив ответ, так же быстро вернулся и склонился над Шверником. Наконец, Шверник поднялся, чуть покрасневший, и выдохнул: «Речь товарища Мао Цзедун переводит товарищ такой-то» (его фамилию не запомнил). «Вот так», – буркнул юбиляр в услужливо изогнутые микрофоны, и «инцидент» на этом был исчерпан.

Но удивительнее всего было следующее. Чего только не сказали в тот памятный вечер Сталину, как его только не воспели. Такой концентрированной лести не удостоились, я уверен, не только Юлий Цезарь или Наполеон, но даже величайший организатор всякого рода похвал и восхвалений в свой адрес – Нерон. Сталин невозмутимо и, как мне показалось, с хорошо скрытым презрением слушал все эти соловьиные рулады. Сталин был холодным реалистом и, пожалуй, циником, так что он знал настоящую цену всем этим приторным песнопениям. И ответил на них... молчанием.

Это потрясло Мэлора и меня. Как могло случиться, что Сталин даже хотя бы двумя словами не поблагодарил тех, кто в поте лица пел осанну этому супер-богу с маршалскими погонами и лицом карталинского крестьянина. Нет, ничего подобного не произошло, хотя все ждали, что Сталин выступит в конце торжественного заседания.

В перерыве перед концертом Мэлор и я поделились с отцом нашим удивлением по поводу молчания юбиляра, которое вы-

глядело просто невежливым и бестактным.

Нас совершенно поразило то, что сказал нам в ответ отец:

– Вы судите, как настоящие обыватели. Посмотрите и вдумайтесь в любое выступление или статью Сталина. В каждом из них есть для своего времени нечто принципиально новое. Так было и до войны, и во время нее, и после нее. Сталин никогда не говорит и не пишет ради того, чтобы говорить и писать; вы, видимо, плохо знакомы со сталинскими работами.

– Да, но ведь он мог просто, без всяких новшеств, поблагодарить выступивших и всех присутствующих за такие теплые слова, за такой небывалый прием, – возразил Мэлор.

– Нет, не мог. Иначе он не был бы Сталиным, – ответил отец.

Во время «променада» по роскошному фойе Большого мы неожиданно очутились лицом к лицу с Багировым (бывший первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, приближенный Сталина и Берия). Багиров собрался обнять отца, протянул обе руки, но отец вежливо, но твердо уклонился от объятий, пожал Багирову руку и тихо, но также твердо сказал: «Слушай, Мир-Джафар, я прочел твою книгу о деятельности бакинских партийных организаций. То, что ты в ней не упомянул меня, это понятно. Я теперь вроде прокаженного, но почему ты умолчал о действительной роли Вано, это непонятно. Ты написал, что иногда с поручениями в Баку приезжал Вано Стурра. Неужели ты думаешь, что он был курьером? И вообще в твоей книге грузины в загоне. А на их место ты поставил азербайджанские фамилии, о которых я слыхом не слыхал. Нехорошо, Мир-Джафар, некрасиво». – «Ладно, ладно, Георгий, не обижайся, в следующем издании упомяну и тебя», – милостиво бросил Багиров. В ответ на это отец выдал ему, как сказал бы Зошенко, несколько кислых слов, после чего Багиров чинно со своей свитой удалился, оставив без ответа выпад отца.

Вот, пожалуй, и все, что хотелось бы написать о том памятном вечере, посвященном семидесятилетию Сталина.

Окончание следует

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Фото: Шалва СУРАМЕЛАШВИЛИ

30 июля в Грузии – День памяти жертв политических репрессий советского периода. В этот день в 1937 году была создана так называемая «тройка» – чрезвычайный несудебный орган, который рассматривал дела по политическим обвинениям и выносил приговоры, зачастую смертные...

В Грузии память о жертвах

прошедших через Акмолинский лагерь жен изменников Родины. Постановка непременно включается в майскую афишу – ко Дню памяти жертв политических репрессий, который в Казахстане отмечается 31 мая.

В этом году перед показом состоялась презентация книги, впервые переведенной на грузинский язык. Это воспоми-

новная часть книги посвящена Казахстану, казахскому народу, который принял этих осужденных, многие из которых после отбывания срока остались там жить. И их потомки до сих пор живут на казахской земле».

Сам спектакль «А.Л.Ж.И.Р.» заслуживает особого внимания. Постановка и пронзительна, и необычна: сначала она кажется

После спектакля «А.Л.Ж.И.Р.»

политических репрессий не пылится в архивах. Она звучит со сцены, открывается в музейных залах, хранится в письмах и воспоминаниях. Особенно пронзительны – истории женщин, которые оказались виновны лишь в том, что были женами «врагов народа», чьи судьбы искалечила безжалостная машина террора, но они сохранили достоинство и веру.

СПЕКТАКЛЬ «А.Л.Ж.И.Р.»

В репертуаре Тбилисского государственного академического театра имени А. С. Грибоедова уже восемь лет идет спектакль «А.Л.Ж.И.Р.», посвященный судьбам женщин,

нация узницы АЛЖИРа Елены Цицишвили-Тер-Асатуровой. Перевод выполнил историк Давид Махатадзе, который многие годы живет в Казахстане. Вот как он говорит о судьбе автора книги: «Воспоминания Елены Цицишвили-Тер-Асатуровой ценны тем, что они очень подробны. И это позволяет понять, в каких условиях женщины отбывали наказание, как тяжело им было после освобождения найти свое место в жизни. Большая часть жизни автора прошла в Грузии, она причастна к развитию театральной и оперной культуры страны. И потому грузинскому читателю будут интересны ее воспоминания. Ос-

Посол Казахстана в Грузии Малик Мурзалин и переводчица

простой, но постепенно поражает своей структурой и множеством перекрестных смыслов. Символизм здесь тесно переплетается с трагической реальностью. На сцене – семь актрис, декорации минималистичны. Сквозь натянутую сетку, напоминающую тюремные решетки, на зрителя смотрят молодые, улыбающиеся красивые грузинки. Это подлинные фотографии репрессированных женщин. До их ареста.

Идея создания спектакля родилась у художественного руководителя театра Автандила Варсимашвили после посещения музея политических репрессий «АЛЖИР» в Казахстане, где

в списках заключенных на Стене памяти он нашел фамилию бабушки своей супруги. И это подвигло грибоедовцев на большую исследовательскую работу по сбору документального материала.

«Этот спектакль – особый, – говорит Нина Шадури, заведующая литературной частью театра имени А.С. Грибоедова. – В первую очередь, это документ, а уже потом спектакль. Основные пьесы стали документы, которые хранятся в музее АЛЖИР, нам очень помогли Фонд Генриха Белля, московские архивисты и тбилисские потомки репрессированных. И на основе многих, многих документов

переживаний узницы: от непонимания и стремления к справедливости до отчаяния и тихой, упрямой решимости выжить.

В спектакле есть интересный эпизод: заключенным кажется, будто казахи из ближайшего аула бросают в них камни. Конвоиры используют это как повод для издевательств, внушая женщинам, что даже местные жители враждебны к ним. Однако одна из узниц, упав на землю, замечает, что это не камни, а высушенный соленый творог – казахский курт. И главная героиня от имени всех заключенных выражает благодарность казахскому народу за сострадание и поддержку.

наградили сразу семь исполнителей за их выдающуюся коллективную работу.

ЗАЛ РЕПРЕССИЙ

Зал политических репрессий – относительно новая часть Музея Иосифа Сталина в его родном городе Гори. Основная экспозиция музея – это личные вещи Сталина, обстановка кабинета, документы, редкие фотографии. А вот экспозиция, открывшаяся уже после распада СССР, позволяет увидеть объективную картину сталинской эпохи с ее насилием и трагедиями. В этом зале многое символично: одежда на цепях – образ несвободы, ярко-красные тона – отражение

Давид Махатадзе

Экспозиция Музея Сталина

создалась сценическая версия спектакля. В процессе розысков нам удалось составить самый полный на сегодняшний день список узниц АЛЖИРА из Грузии, в этом списке 281 фамилия».

В основе действия – история одной женщины, воплотившей в себя трагедии сотен других грузинок и ставшей символом характера и национального достоинства. Актрисы поочередно берут на себя роли следователя, соседки, маленького сына, сокамерницы и самой главной героини. Различие характеров актрис, их возраста и типажей помогает передать весь спектр

В завершение вечера, после благодарных аплодисментов, криков «браво» и цветов, представители посольства Казахстана в Грузии, в знак дружбы и как символ жизни, внесли в зал большой поднос с куртом и угостили актрис и зрителей.

Этот спектакль гастролирует по разным странам, совершил большой тур по городам Казахстана, был показан в России, на фестивале «Встречи в России» в Санкт-Петербурге получил Приз зрительских симпатий. А в Грузии он был удостоен Национальной премии имени Верико Анджапаридзе, которую обычно вручают одной актрисе, но в исключительном порядке

кровавого террора. Здесь же находятся стол для допросов и карцер. Ежегодно музей посещает около 160 тысяч человек. Многие задерживаются именно в этом помещении, а некоторые и вовсе считают, что Зал политических репрессий должен стать центральным в музее.

Гид Нана Каландадзе рассказывает: «Здесь хранятся вещи супругов-агрономов – Арчила Гвердцители и Софии Титвинидзе. Мужа арестовали, а молодую женщину отправили в Казахстан, в Акмолинский лагерь жен изменников Родины. Но она была такая энергичная, что и там работала: в ссылке вывела новый сорт морозоу-

стойчивой картошки. А в заключении написала брошюру по агротехнике. Когда ее не стало, родственники принесли в музей ее вещи, которыми она пользовалась в ссылке: чемодан, одеяло, ридикюль, очки — это все настоящее, все ее».

Арчила Гвердцители арестовали в 1938 году по обвинению в саботаже: якобы за несвоевременное орошение свекольных полей в Горийском районе. Софии предложили отречься от мужа и его семьи, но она не согласилась, тем более что у супругов уже был пятилетний сын Теймураз. Вскоре арестовали и ее.

винидзе, живет жена ее сына Теймураза — Сесилия Хуцишвили-Гвердцители.

Только по крохам воспоминаний родные могли представить, насколько тяжело пришлось Софии. «Она говорила, что в Казахстане было очень холодно. Кто мог — прятал пряжу и вязал носки, перчатки, так и спасались. Зимой вообще было очень страшно. Например, она рассказывала, что между бараками натягивали веревки — слева и справа. И, держась за эти веревки, они ходили от барака к барaku. Отпустишь веревку — можешь пропасть: или снегом занесет, или потеряешь-

лагерь пришло извещение, что срок вышел и она свободна, ей об этом не сообщили. Это было во время Второй мировой войны — может, поэтому. Но одна сотрудница лагеря, попросив не называть ее фамилию, сказала: «На ваше имя пришло извещение, что вы уже свободны». После этого София сделала официальный запрос. И прошло еще два года, прежде чем она вернулась домой».

По словам родственников, София Титвинидзе никогда не жаловалась на жизнь: поддерживала связь с учеными, с которыми работала в лагере, а после ссылки продолжила трудиться

Слева — Сесилия Хуцишвили-Гвердцители, сноха репрессированной Софии, справа — внучка Тинатин Гвердцители

Гид Нана Каландадзе

Переписку разрешили лишь спустя три года и только на русском языке, поскольку письма проходили цензуру. В музейной витрине хранятся короткие послания сына, адресованные Софии из Гори в далекий Казахстан: «Дорогая Мама! Я учусь на отлично. Целую тебя. Твой Теймураз. 9.2.1942 год».

В этих скупых строках нет ни слова о боли, страхе или чувствах маленького мальчика. Все годы ссылки матери он провел у бабушек. Раньше он звал маму ласково — просто «деко», сокращенно от «деди́ко» («мачочка» по-грузински), но потом, после долгих лет разлуки, почти всю жизнь обращался к ней, как и все остальные: София Семеновна. Сейчас в доме, где когда-то арестовали Софию Тит-

ся в степи, и волки съедят», — рассказывает Сесилия.

София Титвинидзе в годы ссылки работала на опытной селекционной станции, где вместе с другими заключенными занималась выведением новых сортов овощей. Урожай шел на нужды фронта, а также использовался для питания заключенных в лагере. Уже после освобождения София обратилась с запросом о признании ее участия в научной работе — и Министерство сельского хозяйства Казахской ССР направило ей авторские свидетельства. Эти документы до сих пор бережно хранятся в семье.

Сесилия Хуцишвили-Гвердцители вспоминает немногие признания своей свекрови: «Ее осудили на пять лет. Когда в

по профессии. Всю жизнь она искала мужа, направляя запросы в различные ведомства. Лишь после ее смерти семье стало известно: Арчил Гвердцители был расстрелян в Тбилиси почти сразу после ареста, в 1938 году.

Слезы, утраты, искалеченные судьбы, разрушенные семьи — за каждой из этих трагедий стоят человеческие жизни. Память — единственное, что мы можем сохранить для них. Помнить — значит, не дать исчезнуть. История, собранная по крупицам, складывается в общую картину великой несправедливости и становится напоминанием для новых поколений, чтобы подобное никогда не повторилось.

Тамаз Кипиани

две дочери, зять, внуки, правнуки, а еще – великое множество друзей, с которыми пройдена вся жизнь и которые как были, так и остались по-настоящему близкими людьми.

Дружить, общаться, ощущать общение как роскошь, любить людей – этими талантами судьба одарила Тамаза Кипиани щедро.

Дружеский круг, увы, сужается год от года, друзья уходят... Но когда здравствующие собираются, Тамаз – душа компании, ее центр притяжения, ее главный магнит. Сказать ли тост, спеть ли, станцевать ли – здесь ему никогда нет равных по молодости духа, по юношеской (иначе не скажешь!) энергетике!

«Если тебя не станет, я этого не переживу», – сказал он как-

кома партии, от руководящих должностей в службе народного контроля до государственной канцелярии.

Отразилось ли это на его характере или поведении? Да насколько! За долгие годы столь внушительной карьеры Тамаз умудрился никого не обидеть. Всегда всем помогал, отзывался на все просьбы и никому не отказывал. Может ли такое быть, усомнитесь вы? Может! Хотя жизнь, как говорится, не всегда гладила по голове – довелось пережить и большое горе...

Сегодня Тамаз Кипиани на заслуженном отдыхе. Впрочем, отдых, возможно, и есть, а вот неуспокоенность – все та, прежняя. И помогает он все так же – друзьям, хорошим людям и многим благим начинаниям. За примерами далеко идти не придется – достаточно сказать, что дом-музей общественного деятеля, писателя, мученика Грузинской православной церкви

БУДЕМ ЖИТЬ!

С Эмзаром Квитаишвили, Демико Лоладзе и Заалом Ботковели

«Русский клуб» сердечно поздравляет с юбилеем одного из своих самых верных читателей и единомышленников, выдающегося гражданина, настоящего тбилисца, историка и политолога Тамаза Кипиани!

Трудно даже вообразить, сколько поздравлений получил в день своего рождения батони Тамаз – у него большая семья:

то раз дорогому другу. – «Значит, будем жить», – коротко и просто ответил друг.

Тамаз Кипиани – дипломированный историк, выпускник Тбилисского государственного университета тех времен, когда вуз еще носил имя Сталина. Всю жизнь занимал ответственные посты – от секретаря райкома комсомола до секретаря гор-

Дмитрия Кипиани в селе Квишхети во многом пополнялся благодаря усилиям и личному участию Тамаза Кипиани.

С днем рождения, батона Тамаз! Счастья Вам и всем, кто Вам дорог!

Считаем за честь, что у нас есть такой читатель, как Вы!

САНИТАРКА, ПАРТИЗАНКА, СОРАТНИЦА

Манана Мchedlishvili

■ НИНО МЧЕДЛИШВИЛИ

*Тот не мертв, кто умирает,
Жизнь свою отдав народу,
Но навеки погибает —
Кто себе живет в угоду.*
И. Чавчавадзе

Каждый раз, рассказывая о Манане Мchedlishvili, я не могу не удивляться и вновь пытаюсь разгадать тайну: что же заставило 20-летнюю хрупкую девушку выбрать для себя столь сложный жизненный путь?

Она родилась 8 марта 1919 года в кахетинском городке Сагареджо и стала первой из трех дочерей в семье Василия Мchedlishvili и Тамары Курдгелашвили.

Мог ли тогда кто-нибудь предвидеть, что ей будет суждено воевать на полях сражений и в партизанском подполье, попасть во Францию, стать по-

мощницей Эквтиме Такашвили и навсегда войти в историю...

Ее отца расстреляли за участие в антисоветском восстании 1924 года. Поднимать трех девочек на ноги молодой вдове помогал деверь, Давид Мchedlishvili.

Когда началась Великая Отечественная война, Манана сразу же решила записаться добровольцем. Но на фронт она попала только в апреле 1942 года, повзрослев и пройдя курсы санитаров-инструкторов.

Сержант Мchedlishvili, «медсестра с револьвером», воевала в районе Черного моря, участвовала в ожесточенных боях в составе 83-й горнострелковой дивизии 56-й армии Северо-Кавказского фронта.

На фронте ее прозвали «Мария-чертяка». Рискую собствен-

ной жизнью, она вынесла с поля боя десятки раненых бойцов, совершила не один подвиг и была удостоена наград.

Под Новороссийском Манана получила ранение в ногу и попала в плен. Ее поместили в концлагерь, а через некоторое время отправили в Берлин и определили на работу в частную медицинскую клинику в Николасзее (район столицы Германии), которой управляла доктор Хунеке. В 1944 году Манану вместе с другими пленными переселили во Францию. Там она начала работать личным секретарем Эквтиме Такашвили в Левиль-сюр-Орж (в 1922 году дом и пять гектаров земли были приобретены представителями меньшевистского правительства Грузии на средства грузинской казны; здесь находилось правительство Грузинской Демократической Республики в изгнании).

Великому ученому и общественному деятелю тогда был уже 81 год. Одиноким немощный старик, несмотря ни на что, продолжал свои научные изыскания по истории и археологии Грузии и Кавказа. И, конечно, все так же чувствовал свою ответственность за сокровища Грузии, вывезенные им во Францию в 1921 году. (Добавим, что в 1933 году, когда Лига Наций признала Советский Союз и посольство правительства Грузии в Париже было упразднено, грузинская казна перешла во владение французского государства. Начиная с 1935 года, Такашвили призывал правительство Франции вернуть сокровища Грузии. Призывы в конце концов были услышаны. Кроме того возвращению коллекции на родину помогли хорошие отношения между Иосифом Сталиным и Шарлем де Голлем).

В качестве секретаря Манана трудилась над архивом ученого, разбирала документы, записывала под его диктовку научные труды ученого и его переводы с французского. А еще — ухаживала за старым профессором как за отцом, окружив его заботой и вниманием. Да и сам Такашвили полюбил ее как дочь.

Ученый с волнением следил

за продвижением советских войск на запад, потому что знал: успешные наступательные операции приближают осуществление его заветной мечты – вернуться в родную Грузию и привезти с собой национальные сокровища.

Летом 1944-го Манана как участница подпольной организации «Союз русских патриотов», образованной 3 октября 1943 года под руководством Коммунистической партии Франции, собралась в Париж – чтобы принять участие в масштабном национально-освободительном восстании, начавшемся в ночь с 5 на 6 июня 1944 года.

Правда, Манана не решалась оставить без присмотра Эквтиме, но профессор сам благословил ее: «Езжай, дочка, езжай! Я рад и горд, что грузинская девушка будет участницей освобождения Парижа!»

Защита родины не кажется удивительным делом. Но как можно назвать ту силу, что толкает человека на борьбу ради чужой родины? Человеколюбие? Спасение человечества? В освобождении Парижа принимала участие не только первая грузинская партизанка Манана Мchedlishvili, но и три тысячи советских граждан, оказавшихся волею судьбы во Франции. А вообще в период с начала февраля до конца августа 1944 года советские партизанские отряды на территории Франции участвовали в боях за освобождение

Бессмертный полк

Эквтиме Такайшвили в саду Левиль

Поместье Левиль

не только Парижа, но и Тулузы, Лиможа, Клермон-Феррана, Нима...

В результате восстания Париж полностью был освобожден 25 августа 1944 года, а к концу сентября от фашистской оккупации освободили практически всю территорию Франции.

11 апреля 1945 года Эквтиме Такайшвили вместе с сожителями Грузии прилетел в Тбилиси.

Перед этим Манана сделала опись коллекции и собственноручно уложила каждый драгоценный предмет, готовя его к отправке.

В сопровождении Мананы профессор в последний раз навестил могилу жены, Нины Полторацкой (она скончалась в Левиле в 1931 году и была похоронена там же, но в 1987-м ее останки были перенесены в Тбилиси и захоронены в Дидубийском пантеоне, а в 2000 году

– рядом с Эквтиме Такайшвили, в пантеоне Мтацминда).

Манана Мchedlishvili вернулась в Грузию в сентябре 1945 года. Работала медсестрой в отделении скорой помощи в своем родном районе Сагареджо, заведовала медицинским пунктом в селе Горана. Занималась общественной деятельностью, трижды избиралась народным депутатом. И, начиная с 21 февраля 1953 года, когда Эквтиме Такайшвили ушел из жизни, регулярно навещала его последний приют. Она дала слово – не обделять дорогого человека вниманием ни при жизни, ни после смерти. И сдержала свое обещание...

Я горжусь моими предками, моей выдающейся тетей, Мананой Мchedlishvili. «Маленькая книга большого бойца», посвященная ей, уже готова к изданию.

Анна Бердичевская

«СВЕТ И ГОРЕЧЬ БЫТИЯ...»

■ Алена ДЕНЯГА

Сборник рассказов «Масхара» Анны Бердичевской, вышедший в далеком 2011 году, попал ко мне случайно, но все мы знаем, что случайностей не бывает. В этой книге сосредоточена ее любовь к Грузии в самый тяжелый для страны период после распада СССР. Безумное время, когда приходилось расставаться с любимыми и близкими, покидать родные стены и начинать новую жизнь вдали от родины – за границей...

Об Анне Бердичевской я впервые услышала в семье поэта, переводчика, публициста Гии Маргвелашвили. В Тбилиси дом Маргвелашвили был пристанищем для многих литераторов. В то время выходила «Литературная Грузия», а на ее страницах свидетельствовал «вещий знак». В этой рубрике Георгий Георгиевич осуществил свою миссию – публиковал не только знаменитых и известных авторов, но и ставил «на крыло» молодых поэтов. И среди них Анна Бердичевская. Кстати, первый сборник стихов «Странствие» (1985) вышел в грузинском издательстве «Мерани».

Для меня стало большой удачей познакомиться с Анной Львовной лично. Помню, однажды мы пересеклись с ней в книжном баре «Аудитория» – это была лекция ее дочери, литературного критика Галины

Юзефович. Анна Львовна мне показалась всеобъемлюще ласковой, словно она словом хочет обнять собеседника. На свете мало людей, умеющих быть благодарными. Низкий поклон Анне Львовне за то, что она так трепетно несет в своем сердце память о Гие Маргвелашвили.

Считается, что с возрастом угасает любопытство, на смену приходят апатия, инертность. Человек молод душой тогда, когда он открыт всему новому и не перестает удивляться окружающему миру. Анна Львовна много путешествует. Когда я думаю о ней, перед моим взором картинка – Анна и море. Она любит воду, обожает плавать, и при этом не имеет значения, какое время года. Когда Анна Львовна вспоминает Тбилиси, ее голос приобретает особую текучесть и мелодичность, напоминая тихое журчание воды. А рассказчик она – замечательный.

Очень радостно, что в очередной свой приезд в Тбилиси она презентовала новый сборник поэзии «Календарь», выпущенный издательством «Niavi».

Теперь же мы в предвкушении выхода ее книги о тбилисском Дворце торжественных обрядов, на страницах которой мы найдем много интереснейших историй о Грузии, о грузинских друзьях и не только...

■ Иван ГОЛОВИНОВ

Я знаю Анну Бердичевскую несколько десятилетий – просто потому, что она была соседкой – дверь в дверь – с моей мамой... Вообще двери у соседей в те времена в Тбилиси и не закрывались. А мама моя и Анна еще и дружили. Я был молодым лейтенантом, приезжал домой нечасто. Но уже тогда знал стихи нашей соседки. Потом стал читать и прозу. Анна в девяностые уехала в Москву, мамы моей давно нет на свете, но эта дружба перешла ко мне, к моей семье. И вот снова – ее приезд, и наша встреча, и новая (уже десятая!) книга...

С Кавказским домом мою семью связывает то обстоятельство, что здесь работал мой лучший друг Ника Джинчарадзе, замечательный поэт и бард, безвременно ушедший... Его помнят многие тбилисцы. Именно он, Ника, несколько лет назад организовал презентацию одной из книг Анны Бердичевской, изданной в то время. Я имел честь вести тот, едва ли ни первый вечер Анны Львовны в Кавказском доме. И меня поразило, какие люди пришли на то выступление! Цвет тбилисской интеллигенции, читателей разных национальностей и возрастов... И что важно – интересно было всем.

В стихах Анны Бердичевской, как и в прозе, нет ни зауми, ни кокетства. А вот тайна есть. Не все в них так уж просто. Бывает даже как-то неожиданно, хотя и понятно. Я не литературовед и не критик совсем, просто мне кажется, что ее творчество – о самом важном. Оно помогает нам познать себя и увидеть, понять другого человека. Я был этому свидетелем: ее стихи и проза объединяют людей. Это касается и книги «Календарь». В сборнике есть стихи, как она сама говорит, о ее «трех главных городах» – Перми, Тбилиси и Москве. И об очень разных временах. Словом, ее новая книга – это хроника судьбы. Вот такой «отрывной календарь», которому, кстати, и посвящено первое в книге стихотворение – «Грех смеяться надо мной...»

Внукам
Гоше и Тимоше

Грех смеяться надо мной,
что совсем не помню дат.
Календарик отрывной —
вот кто в этом виноват!
В прошлом веке,
то есть встарь
числа помнил не айфон,
а бумажный календарь.
В нем без всякой мистики
отрывались листики,
дни, недели и года
улетали в никуда...
Так и я жила себе,
улетая по судьбе...

Дат не помню, ну так что ж,
был бы сам полет хорош.
Свет и горечь бытия —
вот отрада для меня.

«Ад не обходится без рая», —
Сказала мама как-то раз.
Я буду помнить умирая
Ее коротенький рассказ.

Когда она в тюрьме сидела,
Была беременная мной —
В забитое окно глядела.
Там луч небесно-голубой

Сквозь дырку от гвоздя
струился.
И с ним проник весь божий
свет...
Он объяснить ей умудрился,
Что нет тюрьмы. И мрака
нет.

А вы не верите. Не верьте.
Как мама знала, верю я:
Вся жизнь — свидетельство
бессмертья.
Как луч из дырки от гвоздя.

МАРТ

В Тбилиси туманно, туманно,
туманно,
Зеленая Мтквари с моста не
видна.

И в этом тумане мне
слышится:

— Анна!..

Но некому звать меня, я
здесь одна.

Ах, в марте в Тбилиси не
мокро, а слезно.
Окраин дома, типовые
вполне,
Налеплены так, будто
ласточки гнезда
Лепили поспешно, готовясь
к весне.

А в старом районе —
шарманка. Откуда?
Вздыхает и плачет, глотая
туман.
И душу пронзает надеждой
на чудо
Старинный, и хриплый, и
нежный обман.

НА ЕГОШИХИНСКОМ ПОГОСТЕ

У Егошихи на краю
Храню вопрос, не жду
ответа:

Цветет черемуха в раю,
И холодает ли при этом
В саду далеком?..
Ну а здесь
При этом очень холодает,
И снегом пахнет. Будто весь
На Егошихе снег не тает...
В краю заброшенном

кружим
И, не произнося ни звука,
Мы словно песенку твердим,
Что жизнь — любовь,
А смерть — разлука.
Что жизнь любовь...
А есть еще,
Что пуля дура,
Жизнь копейка...
Мне б голову к вам на плечо.
Вон та береза и скамейка...
От ветра в мае стынет кровь,
Не надо плакать, дайте руку.
И мама знала
Жизнь — любовь.
А смерть — разлука.

ГОРОД НА КАМЕ

Так что ж я его берегу?..
Тот город, где радость и горе
Стоят на пустом берегу
Реки, не впадающей в море.

А в небе стоят облака.
Здесь вся моя юность
случилась.
О, как же она широка —
Река, где я плавать училась.

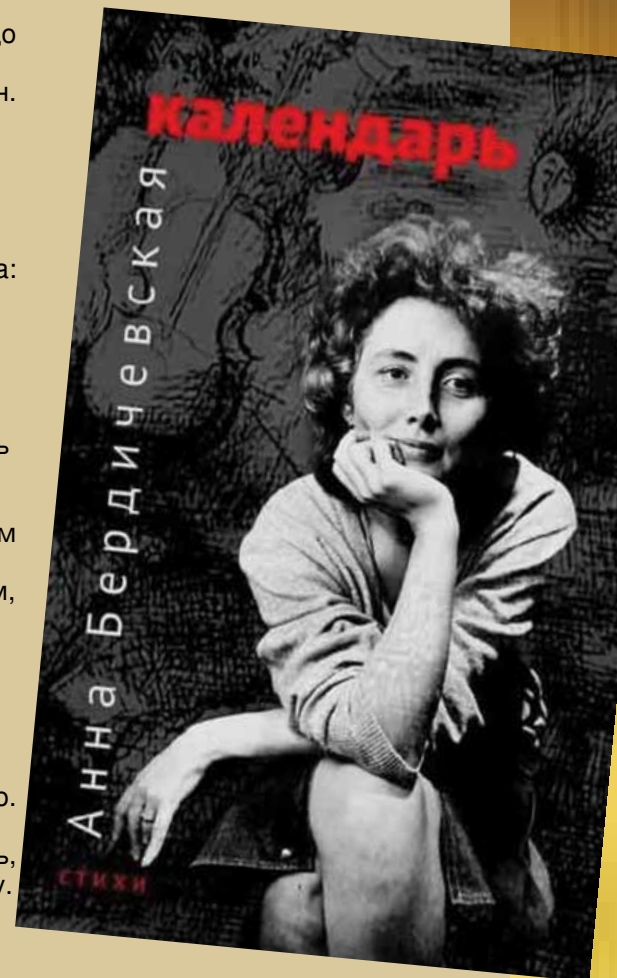
И как же она не спешит.
Как плавит закатное пламя
Река, над которой кружит
Стрижом заблудившимся —
память.

Кружит, озирается, рвет
Холодный, густеющий ветер.
И чувствует, вот уже вечер,
И дома никак не найдет.

В тот город внезапно бегу.
Не еду, когда зазывают.
Люблю? Не люблю. Берегу.
По имени не называю.

НА СТРАСТНОЙ

...А на Голгофе три креста,
Три мученика, три проклятья.

Их смерть проста, их плоть
пуста,
Их конвоиры делят платья.
Но — молния, и дождь как
кнут.
Три женщины дрожат и
плачут.
Потом столетия начнут
Об этом горестно судачить...
Там — было!
Там из тьмы и пут
Разверзлась бездна
мироздания
Всем смертным открывая
путь
Бессмертия и сострадания...

Андроник Романов-Назаретян с супругой Эммой

НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

■ Соб.инф.

В этот день в тбилисском Театре-студии «Обводный переулок» Артэма Киракозова (Григоренца) было особенно многолюдно. Там проходила встреча с гостем из Еревана, Андроником Романовым-Назаретяном – поэтом, прозаиком, издателем.

Отец Андроника – уроженец города Ахалцихе, а сам он родился и вырос в Казахстане. Учился в Карагандинском государственном университете на физфаке, там же на филфаке, затем в КазГУ в Алма-Ате на журфаке и в Литературном институте им. А.М. Горького (семинар Юрия Левитанского). Первые поэтические публикации появились в 1982 г. в казахстанской периодике. Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дети Ра», «Простор», «Новый Свет», «Дирижабль», «Нижний Новгород», «Сибирские огни» и др. Стихи и проза Андроника переведены на английский, французский, арабский языки. Лауреат XV Международного Волошинского конкурса. Финалист литературных премий «Нонконформизм», «Русский Гулливер» в номинации «Короткий рассказ». Лонг-лист литературных премий «Русский Гофман» и «Григорьевской поэтической премии», основатель и первый главный редактор журнала «Литература».

Не так давно Андроник переехал жить в столицу Армении, где соединил свою жизнь с ак-

трисой Степанакертского русского драмтеатра, филологом, поэтессой Эммой Огольцовой.

Нынешний приезд семейной пары в Тбилиси был связан с презентацией первого номера русскоязычного международного литературного онлайн-журнала «АТМА», в котором Андроник Романов – главный редактор, а его супруга – ответственный секретарь ереванской редакции.

Само название говорит о высоких идеалах авторов проекта: «АТМА» в индуизме – это божественное начало, явленное во всех существах.

«АТМА – международный литературный проект, – говорится на сайте проекта, – ядром которого является электронный журнал, публикующий современную прозу, поэзию, публицистику и литературную критику авторов из разных стран мира. Мы отдаем предпочтение профессиональным, талантливым текстам, отобраным нашими региональными редакциями. Каждый номер уникален еще и тем, что в его формировании принимает активное участие специально приглашенный ментор (один из ярких профессиональных литераторов), который предлагает авторов и тексты для своего номера. Это позволяет показать различные срезы и стилистические направления современной литературы, передать читателю ее богатейшую полифонию. Мы

продолжаем строить международное литературное пространство, открытое к диалогу и культурному многообразию. АТМА свободна от любой ангажированности. Единственная идеология, которой мы придерживаемся – наше субъективное представление о прекрасном».

На встрече в «Обводном переулке» Андроник Романов говорил о редакционной политике журнала и знакомил слушателей с произведениями, опубликованными в первом номере, ментором которого стал писатель Юрий Крылов. В первый выпуск вошли рассказы Светланы Волковой, Владимира Лидского, Павла Селукова, Андроника Романова, повесть Марии Косовской, стихи Всеволода Емелина, Геннадия Калашникова, Дмитрия Ларионова, Александра Закуренько, Евгения Лесина, Бахыта Кенжеева, публицистика Виктории Шохиной, Елены Черниковой.

Широкую географию авторов первого номера журнала дополняют тбилисцы: в разделе публицистики опубликована статья Михаила Ляшенко и Анны Шахназаровой «Прошлый век» – о творческой жизни Тифлиса в 1917-1921 годах. А в разделе «Лауреаты» опубликован рассказ Валериана Маркарова «Неношеное платье» – лауреат литературной премии им. Юрия Левитанского 2024 года (I место в номинации «Проза»).

С третьего номера редколлегия журнала планирует выпуск новых языковых версий, в том числе на грузинском и армянском языках. В планах – проведение фестивалей, мастер-классов, выездных выступлений авторов журнала. В июне стартовал III сезон премии им. Юрия Левитанского, оргкомитет которой стал соучредителем проекта «АТМА».

ДОРОГОЙ, ВСЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ!

■ Тенгиз ПАЧКОРИЯ

Чем дальше время отдаляет нас от века минувшего, тем сильнее интерес к деятельности и взаимоотношениям выдающихся деятелей культуры и спорта тех времен, к их умению созидать, дружить в самых сложных ситуациях и радовать миллионы людей.

Наши сегодняшние герои – тбилисцы Джамлет Хухашвили, Котэ Махарадзе и петербуржец Эрнест Серебренников.

Джамлет Хухашвили, комментатор-рекордсмен, заслуженный тренер Грузии (за большие заслуги в баскетболе), Почетный гражданин Тбилиси, хорошо известен в спортивных кругах Грузии, республик бывшего СССР и стран Восточной Европы. В течение 58 лет он вел репортажи с международных соревнований из разных стран, чемпионатов мира и Европы, Олимпийских игр, универсиад... Его репортажи отличались темпераментом, знанием истории спорта и команд, зажигательным стилем – все это никого не оставляло равнодушным. Многие называют его самым популярным комментатором Грузии после великого мастера репортажа Котэ Махарадзе. А К. Махарадзе, в свою очередь (конечно, вместе с Николаем Озеровым!), был самым популярным телекомментатором СССР.

В юности Джамлет увлекался футболом и боксом, был чемпионом Тбилиси по этим видам спорта, но больше всего любил гандбол. В 1962 году в составе команды Грузинского сельскохозяйственного института он стал чемпионом СССР среди студенческих команд, а в 1963–1964 годах несколько месяцев тренировался в составе тбилисского «Буревестника» – одной из лучших команд высшей лиги СССР. Но ему пришлось покинуть команду – он поругался, а затем и подрался с одним из

ведущих игроков. «Тренеры решили, что молодой Хухашвили не должен был выяснять отношения с одним из лидеров «Буревестника», и мне пришлось уйти. После этого я вообще не хотел играть», – вспоминал Джамлет Шалвович.

Но вскоре ему повезло. Как-то раз из радиорубки на Черепашьем озере он провел импровизированный радиорепортаж футбольного матча с участием «Динамо» Тбилиси, и это всем очень понравилось. Слух о замечательном репортаже дошел до Котэ Махарадзе, который знал Хухашвили по его спортивным выступлениям. Котэ Иванович попросил найти 20-летнего Джамлета и привлечь его к комментаторской работе в спортивной редакции Первого канала телевидения Грузии. И с 1964 года Д. Хухашвили вел репортажи с футбольных, баскетбольных, гандбольных, ватерпольных матчей, с состязаний по боксу, борьбе и другим видам спорта, с самых представительных международных турниров.

На Олимпийские игры-1980 в Москву были направлены ведущие журналисты и комментаторы из разных республик СССР. Из Грузии – Котэ Махарадзе, его ученик Джамлет Хухашвили и режиссер спортивных трансляций Грузинского телевидения Давид Асатиани.

В Москве Джамлету довелось познакомиться со своим

знаменитым коллегой – комментатором, режиссером, новатором в сфере спортивных трансляций Эрнестом Серебренниковым.

«Задолго до московской Олимпиады я много слышал об Эрнесте Наумовиче Серебренникове. О нем мне рассказывал мой старший друг Давид Асатиани, всесторонне образованный человек, высокий профессионал и, между прочим, отличный тамада. Давид и Котэ дружили с Эрнестом, они нас и познакомили. Широчайший кругозор и потрясающее чувство юмора Серебренникова произвели на меня неизгладимое впечатление», – вспоминал Джамлет.

Как-то он рассказал мне эпизод, который имел место как

Джамлет Хухашвили

Джамлет Хухашвили и Котэ Махарадзе

раз во время Олимпиады-80: «Меня поселили в гостинице «Академическая», и однажды Котэ, Давид и Эрнест пришли ко мне в гости. Я был очень рад, выложил на стол все, что было, в том числе и крепкие напитки. Но вскоре мне пришлось извиниться и уйти – надо было срочно ехать на один из объектов Олимпиады, а опаздывать туда было никак нельзя. Позже выяснилось, что мои гости вошли в азарт и выпили не только вино и чачу, которые я поставил им на

дических знаний. Тогда же не было интернета, и если что-то надо было уточнить из области истории, спорта, статистики, то приходилось идти в библиотеку или спрашивать у таких профессионалов, каким был Эрнест. Я ему как-то сказал, что ему надо поменять фамилию Серебренников на Золотов, поскольку его познания были поистине на вес золота», – рассказывал комментатор-рекордсмен.

Теплая дружба связывала Эрнеста Наумовича и с Котэ

концепцию, мы репетировали каждый день в соответствии с программой Олимпийских игр, Давиду очень понравилось, как мы работали, и он часто говорил мне: «Эрик, помоги мне справиться с моими охламонами...»

Давид же отвечал за бокс и работал вместе с Котэ Махарадзе, с которым они жили в одном номере. Давиду из Грузии регулярно присылали замечательные напитки, и как-то раз, получив очередную партию бутылок, они с Котэ сели играть

Котэ Махарадзе

стол вместе с закуской, но и виски и водку, что стояли в холодильнике. А чтобы скрыть следы преступления, они, с подачи Эрнеста, налили в эти бутылки воду... Я, разумеется, ничего не заметил. А через день принимал в номере других гостей и, будучи уверен, что у меня в холодильнике есть напитки высокого качества, накрыл небольшой стол, вынес бутылки, разлил гостям. Они выпили, с улыбкой поблагодарили за «супернапиток» и – от души расхохотались. Я с удивлением посмотрел на них и, хотя сам не пью, пригубил и понял, что в бутылках была просто вода. Не скрою, сперва я разозлился на друзей за этот розыгрыш, но с подачи моих гостей, которых вместо виски и водки я угостил водой, решил перевести все в шутку».

В последующие годы Джамлет не раз встречался с Эрнестом. «Общение с ним всегда было интересным – это был специалист экстра-класса, уравновешенный и мудрый человек, необычайного жизнелюбия и таланта, обладатель энциклопедических

знаний. В 2016 году, когда в Тбилиси отмечали 90-летие со дня рождения легендарного комментатора, Эрнест Серебренников приехать в Грузию не смог. Но зато его воспоминания (наряду со статьями Кирилла Набутова, Никиты Симоняна, Виктора Шендеровича, Валерия Асатиани, Олега Басилашвили, Геннадия Орлова и других авторов) вошли в дополнительный раздел «Котэ Махарадзе в воспоминаниях друзей и коллег» книги мемуарных очерков К. Махарадзе «Репортаж без микрофона», переизданной в том же юбилейном году петербургским издательством «Гуманитарная академия».

«Дорогой, все самое лучшее!» – так назвал свой очерк выдающийся петербургский телережиссер и спортивный комментатор:

«Во время работы в 1980 году на Олимпийских играх в Москве я подружился с Давидом Асатиани, режиссером спортивных трансляций из Тбилиси. Я отвечал за показы плавания и даже написал целую

концепцию. Игнали на интерес: взявший пешку выпивал вина, фигуру – рюмку коньяку. И к концу сицилианской защиты наши любители шахмат были уже очень хороши. Доигрывая, они зачем-то вышли в коридор, и, двигая фигуры и температурно обсуждая позицию, стали двигаться по коридору в неизвестном – по-моему, даже им самим – направлении. А у нас было три службы охраны. Стерegli нас милиция, КГБ и служба безопасности телевидения. В обеспечение нашей безопасности были вложены большие средства, организаторы соревнований опасались – и не без основания – каких-то провокаций. Ведь и вправду могло случиться все что угодно, учитывая бойкот Олимпиады западными странами, недавний ввод наших войск в Афганистан и проч. Следили, в частности, чтобы мы ночевали в нашем общежитии.

В общем, шахматистов наших забрали, поместили в специальную комнату, и все три наши службы безопасности зафиксировали в протоколе, что

любители древней благородной игры грубо нарушили распорядок и спортивный режим.

А тогда среди комментаторов Главной редакции спортивных программ шла нешуточная борьба за эфиры и утопить человека, который комментировал футбол, было для многих коллег большим счастьем. Котэ иногда давали комментировать футбол на центральных каналах, он был серьезный конкурент — обаятельный, узнаваемый, многими любимый комментатор, а тут такая история... Константина Ивановича вызвал к себе заместитель главы Гостелерадио Энвер Назимович Мамедов, достойнейший и очень интересный человек, прошедший школу ГРУ.

— Много ли у вас друзей в Москве, Константин Иванович? — начал издали Мамедов.

— О, очень много, — ответил Махарадзе.

— Как к вам относятся на Центральном телевидении?

— О, прекрасно. Здесь работают превосходные люди, — сказал Котэ, недоумевая, к чему клонит начальник.

И тут Мамедов достал бумагу, где в подробностях было написано увлечение Махарадзе шахматами и изложена просьба к начальству отстранить от работы на Олимпийских играх К.И. Махарадзе, своим поведением позорящего звание советского журналиста. Котэ увидел много знакомых фамилий среди подписантов, и, надо сказать, что его представление о дружбе несколько расширилось.

— Видите, Константин Иванович, какие у вас замечательные друзья в Москве, — произнес Мамедов, порвал эту бумажку и гостя отпустил, — идите работайте.

Это была настоящая реабилитация, и мы поехали с Давидом, Котэ и еще одним нашим товарищем отмечать это событие в ресторан «Прага» — в то время лучший в Москве. За рулем был я, у меня тогда была машина в Москве. В зале было

не совсем в форме. У нас есть два выхода: либо они сейчас с вашей помощью поднимаются к себе в комнаты, и охрана не замечает нашего состояния и никому ничего не будет говорить, либо мы сейчас, не заходя к себе, поедим к нашим веселым подругам продолжать. Только давайте начистоту, как офицер: либо — либо.

Начальник охраны, несмотря на всю свою чекистскую бдительность, понял, что может

Эрнест Серебренников

пусто, иностранцев в городе из-за бойкота находилось немного, метрдотель и официанты откровенно скучали, и поэтому нам мгновенно принесли меню и винную карту, не уступавшие по объему томам «Войны и мира». Котэ эти два тома, не глядя, небрежно отодвинул и сказал официанту: «Дорогой, все самое лучшее...»

Отведав все лучшее, что было в «Праге», мы вернулись в общежитие, и Котэ и его приятели выглядели еще живописнее, чем когда играли в шахматы. Я, как самый трезвый, подошел к начальнику смены охранников и, как Мамедов, начал издали:

— Скажите, вы офицер?

— Офицер, — ответил спокойно наш цербер.

— У меня к вам прямой вопрос, как к мужчине и как к офицеру. Мои друзья сейчас

проявить себя как благородный человек, приказал своим сотрудникам помочь нам добраться до номеров, и эта история был похоронена.

После этого мы с Котэ много и часто встречались и по работе, и просто как старые приятели, и, глядя на него, я всегда вспоминал его роскошную фразу, впервые мною услышанную в тот вечер: «Дорогой, все самое лучшее».

Таким он и остался в моей памяти: веселым и щедрым человеком широкой души, любящим в этой жизни все самое лучшее».

Таким Котэ Махарадзе остался и в памяти миллионов спортивных болельщиков и зрителей — жителей 15 республик бывшего СССР и десятков стран Европы.

Дарбази

ТАЙНЫ ГРУЗИНСКОЙ СТАРИНЫ

■ Юлия ТАНАКОВА

Фото: Шалва СУРАМЕЛАШВИЛИ

Обряды, древние традиции и народные поверья грузин – об этом можно узнать без долгих поездок и горных дорог. Достаточно заглянуть в этнографический музей под открытым небом в Тбилиси – крупнейший на всем Кавказе. Здесь с удовольствием бродят и местные жители, и туристы, будто путешествуя сквозь века, от одного уголка Грузии к другому.

Тбилисский этнографический музей располагается на склоне Триалетского хребта, между парком Ваке и Черепашьим озером, в тихом зеленом уголке столицы, откуда открывается вид на город. На открытом пространстве площадью 48 гектаров разместились 64 оригинальные постройки, привезенные из разных уголков Грузии и собранные здесь, чтобы сохранить дух старины.

Музей был основан в 1966 году по инициативе известного грузинского историка и этнографа, заслуженного деятеля науки Грузинской ССР Георгия Читая, который на протяжении всей жизни активно занимался научной и исследовательской деятельностью, внося значительный вклад в развитие исторической

науки страны. В течение десяти лет ученый привозил в музей уникальные дома и постройки, собранные во время экспедиций по всей стране. Он буквально спасал образцы исторической архитектуры и зодчества, основанные на многовековом опыте предков и сформированные под влиянием ландшафта, образа жизни и народных обычаев. Этнографический музей открылся для посетителей в 1976 году и в следующем году отметит свой полувековой юбилей.

Здесь, словно в уютной деревушке, петляют узкие улочки, а плетеные заборы обрамляют дворики. Кажется, что время замерло и некуда спешить. Каждый дом уникален, будь то деревянные дома без единого гвоздя, или

монументальная сванская башня, или амбары для хранения кукурузы на высоких ножках, или марани с закопанными квеври – все это словно декорации к сказочному фильму. Хочется разглядывать без конца.

Старший экскурсовод Этнографического музея Нино Мачаберидзе рассказывает, что в грузинской традиции существовало множество обрядов, связанных с домашним очагом, который размещался в центре каждого жилища: «У грузин был культ очага. Огонь всегда должен гореть; если он потухал, это была плохая примета – к смерти члена семьи. Если такое случилось, то к соседям за горячими углями отправляли маленького ребенка, и разжигали очаг заново. Наши предки верили: пока горит очаг – люди всегда будут связаны с душами предков. А если погаснет – связь будет потеряна. Даже свадебные обряды вершили около очага. Когда невеста впервые переступала порог дома, у входа ее встречала старшая женщина, брала за правую руку и проводила свадебный обряд. В конце обряда невеста должна была дотронуться до цепи над очагом и притянуть ее к себе. Это было последним доказательством того, что молодая жена принимает обычаи и законы, которые царят в этом доме. Цепь – важный символ грузинского дома и семьи. В

прежние времена старший сын, уходя строить новый дом, обязательно забирал с собой одно звено цепи из отчего дома и вешал его у себя: это было символом единства семьи».

Каждая этнографическая зона в музее узнаваема: у гурийцев дома стоят на высоких сваях, у аджарцев — двухэтажные постройки с крытыми деревянными галереями, у сванов — башни, у кахетинцев — просторные дома с открытыми верандами и виноградными во дворе, где под землей зарыты квеври и стоит деревянный пресс для винограда.

У Нино Мачаберидзе есть своя любимая музейная постройка — двухсотлетний дом, привезенный из центральной части Картли, из Каспийского района. Он поражает продуманностью: в нем сочетаются практичный быт и ощущение мистики. «Этот дом — мой фаворит, — говорит Нино. — Точное описание подобного дома в Грузии встречается у римского архитектора Витрувия, написавшего о куполообразных постройках еще три тысячи лет назад. Такие дома были известны на территории Грузии с первых тысячелетий нашей эры».

Такой тип жилища называется «дарбази». Он построен из речного камня. Дом частично заглублен в землю, благодаря чему летом в нем сохранялась прохлада, а зимой было теплее, чем в обычных деревянных постройках. Их встраивали в склон холма или выдалбливали в скале. Особенно интересна крыша с отверстием наверху: во время дождей на нее легко было подняться и закрыть отверстие круглой доской или затянуть его бычьим мочевым пузырем, используемым как пленка.

Нино Мачаберидзе дает пояснения о необычной кровле: «Такая крыша у нас называется двенадцатигранной. Для ее строения использовано 450 бревен. В каждом ряду их размеры уменьшаются, и, выстроенная до конца, кровля похожа на пирамиду. Число 12 имеет, конечно, мистическое значение: 12 апостолов, 12 месяцев в году, 12 часов на циферблате, 12 знаков зодиака. Кровля также служила солнечными часами — по расположению солнечного луча на балках наши предки определяли время. Люди,

которые жили в таких домах, могли предугадывать будущее, наблюдая, как солнце или луна освещали символы, которые они размещали на материнских опорах — такие, например, как цветок жизни. Опоры — это балки, на которых держится крыша, они называются «матица», или «материнский столб». В Грузии самые важные слова связаны со словом «мать»: мать-природа, мать-Земля. И эта опора является также символом дерева жизни. Рядом с материнским столбом — место, где сидит самый старший мужчина в доме, это место никто не имел права занимать. И есть такая фраза: «Если старейшего нет дома, задай свой вопрос матице, и самый верный ответ даст она». Вот такие были обычаи».

В музейных домах можно буквально прикоснуться к повседневной жизни грузин XVIII-XIX веков: здесь сохранены подлинная мебель, утварь, народные костюмы и орудия труда, которыми пользовались крестьяне. Кроме того, посетителям предлагают поучаствовать в мастер-классах по традиционным ремеслам. К примеру, здесь есть даже настоящая кузница, перевезенная из Рачи.

Закарий Бакурадзе, кузнец-оружейник, рассказывает: «Это была оружейная кузница, ее возраст — 120 лет. Обработка стали в Грузии — это одна из древнейших отраслей. Наши предки — халибы, которые жили на побережье Черного моря, еще до нашей

эры занимались выплавкой стали. В Грузии производили высококачественную сталь. Это было и на побережье Черного моря, и в горных регионах — Раче и Сванети. Металл отличался высоким содержанием углерода и другими химико-технологическими особенностями. Но особенно важно отметить, что в те древние времена, когда у многих народов еще использовались бронзовые орудия труда, у нас уже плавилась сталь. Из нее изготавливали как хозяйственные, так и боевые орудия. Кузницы были закрытыми кастами, то есть место, где происходила выплавка стали, было строго засекречено. Оно охранялось специальным отрядом, и попасть туда или выйти оттуда было практически невозможно. По археологическим раскопкам и историческим памятникам нам, нескольким специалистам, удалось восстановить древнюю технологию халибов. Мы полностью воссоздали процесс выплавки стали и теперь передаем эти знания молодому поколению».

Кроме домов и рабочих построек, в Этнографическом музее есть необычные строения и экспонаты. К примеру, полуразрушенная старинная церковь, которую перевезли из деревни, затопленной во время создания водохранилища. В музее есть даже мегалиты, возраст которых 4 тысячи лет. Эти каменные сооружения древности перенесли из Абхазии.

Нино Мачаберидзе так говорит о грузинских мегалитах:

Вид на Этнографический музей

Кузнец-оружейник Закарий Бакурадзе

«Есть разные версии об их предназначении. Например, что там жили вожди племен. Но по-настоящему в нашей культуре – это камера захоронения. Но до сих пор мы не знаем, как происходили захоронения. Дольмены (древние погребальные и культовые сооружения) являются самыми неизученными мегалитами, как-то они связаны со Стоунхенджем – одним из самых знаменитых археологических памятников в мире. Все мегалиты между собой соединяются посредством вибрации, и в конечном итоге эта вибрация достигает последнего мегалита – Стоунхенджа».

На территории музея в районе археологических раскопок находятся две каменные стелы XI и XII веков. На них выбиты изображения: отпечаток руки и крест – печать фамилии Багратионов. По одной из версий, один из отпечатков принадлежит царице Тамар, другой – царю Давиду Строителю.

Привлекают внимание и древние надгробные плиты. По словам Нино Мачаберидзе, на изображенным на них символам можно понять, чем занимался человек при жизни: «Эти плиты относятся к периоду до XV века – на них изображены сабли, но еще нет огнестрельного оружия. Если на камне вырезана церковь, значит, покойный был священником; если плуг – земледельцем; если

Мастер-класс по ткачеству

дом – архитектором, строителем. А лук и сабля указывают на военную профессию».

К интересным археологическим раскопкам относят и привезенный из Болниси саркофаг, датированный V веком.

«При открытии саркофага обнаружили мужской и женский скелеты. К сожалению, мы не знаем, кем были эти люди. Но можно точно сказать, что они были знатными, потому что изготовление саркофага – огромный и затратный труд. Надпись сделана на древнегрузинском алфавите – асомтаврули. А также изображен крест, значит, они были

христиане. Говорят, что золотые драгоценности, которые нашли в саркофаге, не имеют аналогов», – поясняет Нино Мачаберидзе.

Частые гости музея – дети, и это неудивительно: в школьной программе есть предмет, посвященный регионам Грузии. Этнографический музей в данном случае становится наглядным пособием, очень увлекательным и живым. Это подтверждает учитель истории тбилисской школы №72 Нато Габриэлашвили: «Мы каждый год сюда приводим детей на практику. То, что учащиеся изучают на уроках, здесь они видят своими глазами, и у них возникает огромное желание узнать больше. Мы остаемся тут на несколько часов, дети внимательно рассматривают экспонаты, задают множество вопросов. И их интерес полностью удовлетворяется. Ученикам это очень нравится.

Благодаря этому музею появляется возможность перенести теоретические знания о древности в современную реальность».

Этнографический музей – это не просто место для прогулок и туристических фото. Это хранилище живой истории, где каждый дом, каждый экспонат рассказывает о культуре и быте грузин из разных регионов. Здесь история Грузии становится зримой и осязаемой. Ежегодно в музее проходят фольклорные фестивали и ярмарки народных промыслов, позволяющие сохранять и поддерживать яркое пламя очага традиций в сердцах грузин.

ПЕТРЕ МЕЛИКИШВИЛИ

■ Омар ШУДРА

Октябрь 1919 года.

После спора, по-грузински шумного, прогремевшего в профессорской, расстроенный пожилой человек (ему было тогда 69 лет), медленно пошел домой.

Холостой профессор жил близ Эриванской площади. Он так долго работал в Европе и России, что уже совершенно не переносил южного, громкого, крикливого выяснения отношений, легко обижался, а поначалу и по-грузински-то говорил с трудом...

После инцидента 43-летний Иванэ Джавахишвили (он был деканом философского факультета, но фактически исполнял обязанности проректора университета и управлял внутренней «кухней») попросил всеми уважаемого Эквтиме Такаишвили навестить коллегу. Такаишвили отправился к профессору домой, и тот так горько плакал, что растерянному Эквтиме пришлось подать ему стакан воды...

Этим расстроенным пожилым человеком был ректор Тбилисского университета Петре Меликишвили.

После случая в профессорской он отказался от поста ректора и вышел из состава Совета профессоров университета. Его лишь смогли уговорить остаться на должности профессора и продолжить преподавательскую деятельность.

Он проработал еще несколько лет – возглавлял кафедру химии, стал деканом сельскохозяйственного факультета. Однажды, разрезая листы новой книги, случайно порезал палец. Рана ос-

ложнилась гангреной, и 23 марта 1927 г. в возрасте 77 лет он скончался.

Петре Григорьевич Меликишвили родился 175 лет назад, 11 июля 1850 г. в Тифлисе. В столицу его родители переехали из Ахалцихе, куда их предки еще в XVI в. переселились из Аджарии.

Петре рос в просвещенной семье – его отец активно участвовал в создании первой частной типографии в Грузии. Старший брат, Стефана, стал первым редактором и издателем газеты «Дрозба», а сестра – писателем и переводчиком. Частыми гостями дома были Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели.

В 1868 г. Петре с отличием окончил Первую тифлискую гимназию, а в 1872 г. (экстерном) – физико-математический факультет Императорского Новороссийского университета в Одессе. В 1876-м, повысив свою квалификацию в учебных заведениях Карлсруэ, Тюбингена и Вюрцбурга, Меликишвили вернулся в Одессу. В 1881 г. успешно защитил магистерскую диссертацию. В 1882-м прослушал курс лекций знаменитого Марселена Бертло по термодинамике в Коллеж де Франс в Париже, некоторое время работал в лаборатории Адольфа Байера в Мюнхенском университете (Меликишвили в совершенстве владел немецким, английским и французским, неплохо знал испанский). В 1885 г. защитил докторскую диссертацию, стал профессором. В 1907 г. П.Г. Меликишвили было присвоено звание заслуженного профессора.

В числе выдающихся учени-

ков Петре Григорьевича были академик Н.Д. Зелинский (создатель активированного угля, изобретатель первого эффективного противогаза), академик Л.В. Писаржевский (в 1899 г. Петербургская академия наук присудила Меликишвили и Писаржевскому Ломоносовскую премию за работу «О перекисях кислот»), академик 12 академий наук А.Н. Фрумкин и др.

В конце 1917 г. Петре Меликишвили вернулся в Грузию и принял самое активное участие в создании национального университета.

26 января (8 февраля) 1918 года в Тифлисе, в трех комнатах здания бывшей дворянской гимназии по улице Цхнетишская, 41, открылся Грузинский национальный университет.

Иванэ Джавахишвили с самого начала отказался от поста ректора, поскольку определенные силы предпочитали иметь в Грузии не национальный, а русскоязычный Закавказский университет. Спасти положение – открыть именно грузинское высшее учебное заведение – мог огромный (и в России, и за рубежом) авторитет Петре Меликишвили.

С 1918 г. Меликишвили – ректор ТГУ (без оклада) и заведующий кафедрой химии. Он основал несколько химических лабораторий, две кафедры, создал грузинскую химическую лабораторию. В 1920 г. вышла его книга «Химический состав нашего вина».

В 1924 г. грузинская общественность отметила 50-летний юбилей научно-педагогической деятельности Петре Меликишвили – его избрали почетным членом Грузинского университета. А в 1927 г. – членом-корреспондентом АН СССР.

Он стал первым, кого похоронили в университетском саду (ныне это пантеон). Через год на могиле был установлен бюст Петре Меликишвили, изваянный прославленным скульптором Яковом Николадзе.

Именем Петре Меликишвили названы Институт физической и органической химии, улица рядом с Тбилисским университетом, премия АН Грузии в области химии и физики.

«РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»

Павел Флоренский в Грузии

Продолжение

■ **Нинель МЕЛКАДЗЕ**

*Своей отчизны вновь лишась,
(Родной мне, отнятый Кавказ
Привык я родиной считать),
С ним потерял семью и мать.
Увы! Теперь далек, далек
Мой дальнезападный Восток!..*

П.А. Флоренский

«МНОГО ДАЛ МНЕ ОТЕЦ ЛИЧНО»

Флоренский считал, что почти все, что он приобрел в интеллектуальном отношении, получено не от школы, а вопреки ей. Много ему дал лично отец.

По общему признанию, отец Павла Флоренского отличался большими педагогическими способностями; ясно представляя и понимая все то, что хотел объяснить, он умел и рас-

сказать все так ясно, что даже трудные и скучные предметы сами собою и с интересом укладывались в голову. Он ничего не делал кое-как, нехотя и без вкуса, но за что бы ни взялся, все оживало в его руках и его словах. Все облагораживалось, делалось занимательным и значительным.

Флоренский рос в атмосфере, далекой от религии и церкви. Главной педагогической за-

дачей отец считал воспитание у детей человечности. «Пусть верят другие люди, — говорил он, — а мы должны принести в жизнь человечность в ее непосредственном виде, без символов и подобий».

Отец, развивая у сына интерес к природе и научный склад ума, показывал химические и физические опыты, давал читать энциклопедии, атласы, научно-популярные книги. Программа воспитания исключала литературу мистико-религиозной направленности, в том числе мифы, легенды, сказки, в частности, произведения Гофмана, так как Павел рос слишком впечатлительным ребенком.

Однажды отец забыл закрыть на ключ свой шкаф, и маленький Флоренский достал оттуда томик Гофмана, который навсегда изменил мальчика. «Мой организм в отношении мистики не имел иммунитета», — писал Флоренский. Отец считал себя носителем научного сознания, говорил, что в мире нет ничего абсолютного, нет истины, а есть только гипотезы. Так как все чудесное и таинственное скрывалось от Павла, в душе его горел неискоренимый огонь поиска таинственного. Что может быть нагляднее опытов? Но чем больше отец их показывал, как пишет Б. Прокудин, тем глубже сын проникался сознанием тайны.

«Я не любил людей, — пишет Флоренский, — то есть не испытывал враждебные чувства, а принимал хорошее, как дышат воздухом, и не удостаивал негодованием плохое, поскольку сталкивался с ним скорее отвлеченно, нежели жизненно. Я не любил человека как такового и был влюблен в природу».

«Водоразделы мысли» на грани бытия и инобытия, «эти две тайны, два света — рубежи жизни» — эти состояния «двоемирия» присущи П.А. Флоренскому, мыслителю и ученому новой, одухотворенной науки. Приведенные ниже цитаты из текстов П. Флоренского свидетельствуют о глубокой вовлеченности отца в развитие интеллектуальных способностей сына.

Четырехлетнего Павла очень привлекали масляные краски.

Однажды батумским вечером «папа достал несколько тюбиков и по моей просьбе стал писать на плоском морском белом камне. Что? Конечно, цветы. Тогда я признавал только рисунки цветов. Мой заказ был изобразить венок из незабудок и куриной слепоты. Было уже поздно, когда начали: он писал, а я сидел рядом и смотрел. Изображение было мелкое и требовало много времени. Тетя Юля (моя тетя) много раз пыталась отправить меня в постель, но папа оставлял, видя, что мне не хочется. Так мы сидели с папой до глубокой ночи, наверно часов до 2-х, пока папа не закончил венка. Живо припоминается мне этот случай, словно было вчера, а не более полвека тому назад. Прошлое не прошло, оно вечно сохраняется где-то и как-то и продолжает быть реальным и действовать. Это ощущаю на каждом шагу, воспоминания стоят пред глазами ясными и отчетливыми картинками. И теряются границы, где, собственно, мой отец, где я сам. Границы личности только в книгах кажутся четкими, а на самом деле все так тесно переплетено, что раздельность лишь приблизительная, с непрерывными переходами от одной части целого к другой».

«Папа рассказывает нам о развитии лягушечьей икры или о выплавке меди из медного колчедана, по поводу огромных куч, расположенных вдоль дороги. В этих курганах из колчедана, распространяющих запах сернистого газа, — я давно уже усвоил всю эту химию, — выгорают сера, а образующаяся медная окись, как я узнал, будет впоследствии восстановлена углем. От папы я научился тоже сожалеть о разлетающемся сернистом газе, из которого можно было бы сделать интересную меня серную кислоту и без огня сжечь ею тряпку. Я знаю также, что добыча колчедана производится тут же неподалеку, и внутренне горжусь, что наш, я бы хотел сказать, мой Батум не лишен настоящей руды, т.е. какой-то связи с подземным миром».

«...мне было, вероятно, пять с половиной лет. Мы жили в Батуме, но папа, когда по делам

службы ездил в Тифлис, брал меня с собою. ... Однажды, в один из приездов, за обедом (опять жаркое лето!) было мороженое. После обеда пошли с папой на Давидовскую гору. Подымались по крутой каменистой тропинке и нашли орлиное перо, меня очень занявшее. Папа рассказывал об орлах. А я приставал к папе с вопросом, который и после долгое время сидел в моей голове и не получал ответа. «Если испытываешь холод после жары, то можно простудиться; а нельзя ли простудиться, если подвергаешься жаре после холода?» Подразумевалась прогулка по жаре после мороженого». После батумской природы Тифлис казался ему безжизненным, жара его угнетала и обессиливала. Когда Павел через несколько лет снова попал в Тифлис, и притом в самое пекло, то был крайне удивлен, насколько он показался ему приятнее, чем в его детских воспоминаниях, а картины природы, например, у Черепашьего озера, показались величественными и очень живописными, а переустроенный, увеличенный и разросшийся Ботанический сад впечатлил своей красочностью.

«Помню, отец любил водить меня в места с отчетливым многократным эхом — в Коджорах на Кер-Оглы, в Боржоме — на Елизаветинском плоскогорье, что над минеральным парком, и другие. Но ведь отец мне объяснял физическое происхождение эха, я отлично усвоил его объяснение и даже способ рассчитывать расстояние до звукоотражающей поверхности. Усвоил, объяснял другим, отчего происходит эхо, и при всем том мне еще более ясно было, что физическим объяснением дело не исчерпывается, что есть таинственные силы или, точнее, таинственные существа, эхо производящие».

«Вечером от 8-ми до 11-ти сидели с папой на балконе, разговаривая. Пронеслось по небу множество метеоров. Они исходили из северной стороны небосвода и при своем длинном пролете, иногда более половины неба, оставляли светящиеся следы. Зрелище было удивительное. Особенно ярк

был один метеор, значительно превосходивший по яркости все светила, даже Юпитер. Метеоры пролетали так долго, и движение их казалось до того медленным, что сначала я принимал их за ночных белых птиц, порхающих за деревьями и освещаемых каким-нибудь фонарем. Это мое замечание вызвало рассказ папы о предании какого-то кавказского народа, говорящем о существовании светящихся птиц».

«Папа приливал к воде в пробирке серной кислоты. Вода согревалась. Без огня согревается: следовательно, тепло во все не непременно от огня. Оно — сопутствующее, но иное. Оно рождается самопроизвольно, независимо от огня. Но тогда огонь — может быть без тепла? Папа подтверждал, что свет моих любимых фосфоресцирующих веществ и свет ивановских червячков почти что не имеет теплового действия и что если бы можно было сделать лампу такого рода, то это был бы самый выгодный способ освещения. Как-то из Тифлиса папа привез мне фосфоресцирующие розетки на свечи. Они нравились мне, но казались слишком бледными, особенно в сравнении с ивановскими червячками, которых я налавливал летом в стакан с травой и завязывал на колотою бумагою. Тайна этих червячков, с их изумительным изумрудным у самок и яблочно-зеленым у самцов свечением, всегда манила меня, тем более,

А.И. Флоренский

Мтацминда (Святая гора Давида)

что от папы я узнал о совершенстве этого света, почти не дающего тепловых лучей».

Но главным образом Павел учился у природы, куда старался выбраться, наскоро отделавшись от уроков. Тут он рисовал, фотографировал, занимался. Страсть к знанию поглощала все его внимание и время. «Это были наблюдения характера геологического, метеорологического и т.д., но всегда на почве физики. Читал я и писал тоже нередко среди природы. Мальчиком я делал самостоятельные работы по физике, и часть моих выводов не лишена, мне кажется, некоторого значения и по сей день. Моя склонность к техническому применению физики была внедрена во мне моим отцом, но оформлена лишь тогда, когда наука перестала быть предметом веры. Далее из того же кризиса вышел интерес к религии».

ОТ НЕВЕРИЯ К ВЕРЕ

В 17 лет, уже заканчивая гимназический курс, Павел Флоренский пережил глубокий душевный кризис, когда вдруг ясно осознал ограниченность физического знания и понял, что без веры в Бога познание Истины невозможно. От неверия к вере Павел Флоренский был обращен особым призывом Божиим, подобно призванию апостола Павла. Открывшаяся ему ограниченность и относительность физического знания впервые заставила задуматься об истине

абсолютной и целостной. Павел всерьез осознал, что без веры, без тех высших знаний, что преподаны в Сверхъестественном Откровении, Истину не постичь. В 1899 году, ночью, во время сна, он вдруг почувствовал себя словно бы заживо погребенным в рудниках, ощутил невозможность выйти из тьмы. Это ощущение длилось до тех пор, пока «тончайший луч, который был не то не зримым светом, не то – не слышанным звуком, принес имя – Бог. Это не было еще ни осияние, ни возрождение, а только весть о возможном свете. Но в этой вести давалась надежда и вместе с тем бурное и внезапное сознание, что – или гибель, или спасение этим именем и никаким другим. Я не знал, ни как может быть дано спасение ни почему. Я не понимал, куда я попал и почему тут бессильно все земное. Но лицом к лицу предстал мне новый факт, столь же непонятный, как и бесспорный: есть область тьмы и гибели, и есть спасение в ней. Этот факт открылся внезапно, как появляется на горах неожиданно грозная пропасть в прорыве моря тумана. Мне это было откровением, открытием, потрясением, ударом. От внезапности этого удара я вдруг проснулся, как разбуженный внешнею силой, и, сам не зная для чего, но подводя итог всему пережитому, выкрикнул на всю комнату: «Нет, нельзя жить без Бога!» Павел воспринял ночное явление как указание, что спа-

сение – в Боге.

Другой загадочный случай произошел позже. Тогда он был разбужен силой какого-то необычного духовного толчка. Выскочив от неожиданности во двор, он услышал громкий голос, дважды произнесший его имя: «Павел! Павел!». Флоренский не знал, кому принадлежал голос, позвавший его среди ночи, но не сомневался, что голос идет из высшего мира.

В статье А.Н. Паршиной и О.М. Седых «Конкретная метафизика Павла Флоренского» акцентируется внимание на то, что целью жизни П.А. Флоренского было произвести синтез церковности и светской культуры: «Учась в Московском университете, он писал своим родителям: «...сейчас ближайшая задача – не моя, конечно, а задача времени – создать религиозную науку и научную Религию». В ответном письме А.И. Флоренского к сыну читаем: «Объединить знание и религию в одно – эта задача была непосильна и остается непосильной. Религия есть частное дело каждого отдельного лица». Спустя много лет Павел Флоренский, как бы продолжая диалог с отцом, напишет: «Христианское миропонимание есть именно миропонимание, жизнепонимание, но не отвлеченная от жизни система. Великая неправда сказать о какой угодно сфере жизни, будто Церковь к ней безразлична, предоставляет ее самой себе, ибо не находит в себе оснований определенным образом смотреть на нее и сил – просветлять ее».

К идеям Л.Н. Толстого о необходимости труда Флоренский обратился перед последним классом гимназии и даже собирался бросить все и «идти в народ», как делали в то время многие молодые люди, покоренные идеями «толстовства». В то время по России ходила запрещенная и выпущенная тогдашним самиздатом «Исповедь» Толстого, которую читали и передавали друг другу участники литературно-философского кружка, руководимого учителем истории второй мужской гимназии Георгием Николаевичем Гехтманом. В «Исповеди» Толстой рассказывает о своей по-

пытке осмыслить собственный жизненный путь, затрагивает вопросы смысла жизни и веры, критикует все государственные институты, доходя до отрицания науки, искусства, суда, брака, достижений цивилизации. «Исповедь» произвела смятение в душе Флоренского. О своем решении начать новую жизнь он сообщает отцу в Кутаиси в октябре 1899 года, где тот живет, бывая в Тифлисе наездами: работает губернским инженером Строительного управления Кутаисского губернского правления. Читателю небезынтересно будет узнать об этом из переписки самого Павла Флоренского с отцом и родителей друг с другом, озабоченных душевным смятением сына, поэтому приведем выдержки из этих писем, опубликованных в статье П.В. Флоренского и Т.А. Шутовой.

«Дорогой папочка! Я чувствую, что своим письмом огорчу тебя, но во всяком случае написать тебе его мне необходимо. Отчасти под влиянием Толстого, отчасти самостоятельно, видя ненормальность и пустоту своей жизни, я пришел к заключению, что ее необходимо радикально изменить. Я уже не говорю о недостатке физической работы, который влечет за собою слабость здоровья и результат ее – слабость умственную, сидячей жизни в спертom воздухе и полного отсутствия общения с природой. С этими чисто физическими неудобствами помириться было бы можно при условии спокойствия нравственного. Таким образом физическое неудобство служит причиной новых, более важных, нравственных. Единственный выход из мучивших меня затруднений – это отказ от университета, как бы он ни был горек. Для тебя может быть не совсем ясно, почему я считаю себя именно не вправе быть в учебном заведении? Каковы бы ни были цели жизни, прежде всего надо жить, и для этого надо есть и пить (Толстой). Если я взваливаю на других свою первейшую обязанность – добывать себе пищу, я делаю долг, а не знаю, смогу ли я выплатить его. Ты спросишь меня, что же я собираюсь делать? Единственный исход – исполнить слова Тол-

стого, как бы ни было тяжело. Это – обязанность, и рассуждать о легкости и трудности ее исполнения мне не приходится. Остаюсь в гимназии главным образом, чтобы выяснить себе многое из того, что я должен делать, а с другой стороны, вероятно, просто трушу. О своем решении я пока не хочу говорить маме, чтобы не доставлять ей преждевременных огорчений, хотя, собственно, она должна радоваться. У нас у всех вкоренилась традиция, что человек, не попавший в университет, погиб, и избавиться от нее очень трудно. 18 17/X 99 Тифлис Твой П.»

В ответном письме от 18 19/X 99 Александр Флоренский пишет: «Дорогой Павлуша, хотя мы, может быть, раньше увидимся, чем ты получишь это письмо, но я все-таки предпочитаю тебе отвечать на бумаге, так как это дает возможность обдумать ответы и исключить неизбежную горячность в разговорах, часто зависящую от временного непонимания. Но, задавая мне письмом своим целый ряд вопросов, касающихся всего твоего будущего, ты, конечно, предвидел, что в подобном случае у меня двойная роль: отца и старшего товарища. С первой ролью я тебе более надоедать не буду: от имени мамы и моего – ты должен кончить курс гимназии, т.е. получить тот практический результат, который она дает. Нужно ли тебе это будет в жизни или нет – покажет будущее. Этим я и оканчиваю наши с мамой требования к тебе, которые считаю

обязательными. Остальное дело твоей воли, и если ты желаешь это обсудить совместно, то я очень доволен за твое доверие, и кроме товарищеского ответа на твои запросы, без всякого обязательства делать так или иначе, с моей стороны [ничего] не последует. Но надеюсь, конечно, что ты и с мамой поделишься в свое время мыслями и примешь во внимание ее мнение. Но, заканчивая свою роль отца, я очень желал бы с тобой поговорить об взаимных отношениях детей с родителями, т.е. выяснить, есть ли какие-либо взаимные обязательства, которые не ограничиваются только детским возрастом, а продолжают непрерывно, пока этой связи не разрушит смерть. Не думай, что я желаю поучить тебя; я хочу разобраться в этом вопросе. Прежде чем перейти к твоим вопросам, которые в значительной степени, как ты сам признаешь, вызваны идеями Толстого, я выскажу тебе свой взгляд на идеи Толстого, насколько я с ними знаком. На идеи Толстого я смотрю как на обычное проявление сектантства. Всякое движение вначале одностороннее, пока оно составляет отдельный ручей в общественном движении и не сольется с общим течением всей жизни. Потому и всякий общественный деятель, и даже всякий деятель даже в науке, должен быть односторонен, в крайнем случае фанатик, чтобы быть силой. Человек, слишком широко смотрящий на жизнь, *à vol d'oiseau* (франц. – с высоты птичьего полета), может быть

и очень мудр, но бессилён как деятель. В крайнем случае это мыслитель, действия которого отразятся на обществе только в будущие века. Таким образом, признавая все значение за Толстым не только как мыслителем, но и общественным деятелем, я лично нахожу это движение безусловно ретроградным, а не прогрессивным. Я считаю, что прежде всего необходимо решить основной вопрос: в чём заключается прогресс человечества: в увеличении суммы личных желаний, потребностей (активные силы), или же в возможности их уменьшения? Что всякое новое желание человека есть всегда источник не только радости, но и страдания, это разумеется само собою. Но зато и всякое новое желание — есть необходимое условие прогресса. Так как нам, дорогой, ещё время есть писать друг другу, то я и останавливаюсь пока на этом. В дальнейшем мы перейдем от основного к деталям, так как надеюсь, что наша переписка не ограничится на этом. Твой папа».

На следующий день А.И. Флоренский делится своим беспокойством о настроении сына с женой Ольгой Павловной: «Эта неделя, дорогая, была богата для меня письмами от всех вас. Павля прислал мне письмо с разными странностями и

предположениями своими, как надо жить на основании книг Толстого. Впрочем, я предвидел возможность разных веяний на него. Когда увидимся, если не он сам, то я передам тебе подробно его планы. Значения особого я не придаю его письму, так как не в его натуре все это. Единственно, где он может увлечься, это все-таки научными занятиями. Но мне его письмо приятно, потому что даёт возможность в письмах переговорить об разных вопросах. Я уже хотел сам начать с ним переписку, но побоялся сделать неловкость и заставить замкнуться в себе. Теперь он сам идет навстречу подобных разговоров, что гораздо лучше. Во всяком случае ничего не бойся; если я не посылаю тебе его письма, то только потому, что не желаю обманывать его доверие ко мне».

Ольга Павловна в ответном письме: «Относительно письма Павля мне бы тоже было довольно интересно знать более подробно; но во всяком случае во всех этих теориях о самоусовершенствовании, в этих самоковыряниях и т.д. мне видится лишь один из видов себялюбия и эгоизма, которые так отталкивают теперь от людей. Я тоже мало верю в его устойчивость в этом направлении, да и вообще. Как видишь, я им не осо-

бенно очарована, несмотря на все его действия. Для нас лично все остальные дети будут более надежными и любящими. Я бы желала, чтобы он унаследовал от тебя хоть частицу способности растворяться в другом и забывать о себе хотя бы в ущерб себе, как нравственной личности. Но довольно об этом. Тебе такое мнение не может понравиться».

Эта переписка не нуждается в комментариях. От опрометчивых решений уберег Флоренского его отец: почитание, доверие, глубокое уважение и любовь сына к отцу, а также умение отца ненавязчиво руководить сыном в этот сложный для него период большого мировоззренческого кризиса возымели успех. Позже в своих воспоминаниях П.А. Флоренский проанализирует причины своего увлечения Л.Н. Толстым. О формировании самого себя, о происшедшем в его мировоззрении перевороте, о переходе к религиозному взгляду на мир, разочаровании в науке и о начале серьезного движения к Богу П.А. Флоренский рассказал в книге «Детям моим. Воспоминания прошлых дней». Он пишет: «Смертельная тоска и полное отчаяние владели мною. Правда, внешним образом я вел жизнь, полную труда. Своим порядком шли усиленные занятия в гимназии, я много читал, занимался математикой, геологией, писал и даже продолжал, хотя и в меньшей мере, чем раньше, свои физические опыты. Я столкнулся с рукописной «Исповедью» Толстого и даже переписал ее. С Толстым, Соломоном и Буддой я ощущал надежность своей безнадежности, и это давало удовлетворение и какой-то род спокойствия. С ними томление пустоты уже явно было не психологизмом, а существенным следствием каких-то, мне неизвестных, законов самого бытия. Между тем решение пришло, откуда его не ждал. Источником же его стал тот скепсис в отношении человеческих учений и убеждений, которым был проникнут мой отец и который был впитан с детства мною».

Окончание следует

ОН ВЕРИЛ В МАГИЮ СПЕКТАКЛЯ

— Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Лучшие спектакли Эфроса невозможно пересказать, как симфоническую музыку или, вернее, хороший джаз, который он обожал. В них покоряла летучесть, импровизационная легкость, которая была введена в четкие берега замысла. Он научил своих актеров жесткости рисунка, «эмоциональной математике». Научил их импровизации в заданном квадрате, в «границах нежности», как он иногда говорил на репетициях. Никакой особой теории у него не было, он был в большой степени интуитивист и занимался только тем, к чему имел душевную склонность.

Низкий болевой порог, как бы отсутствие кожи, в которых он полагал особенность природы больших артистов, были его собственной природой. Он мог заплакать или упасть в обморок от остроты переживания какого-то театрального момента.

Он не умел пить — что в нашем театре противоестественно и даже опасно: под рукой нет самого доступного боль — и душу — утешающего средства. Для него работа — как запой, с утра до поздней ночи. Репетиция — любовь моя. Культ репетиций, которые со временем он превратил в уникальные публичные спектакли. Неспособность участвовать в общем театральном быте, ненависть к трепу, застолью, хождению в гости, ничегонеделанью, которые забирают почти всю жизнь у людей театра. Если смотрел телевизор или чужой спектакль, старался записывать впечатления или мысли, которые пришли «по поводу».

Спектакли Эфроса не поражали, а оглушивали. Часто это были не спектакли, а обжигающие признания, в которых изливалась душа современного художника.

Казалось, он обладает магией, при помощи которой можно извлечь горящий смысл из любого общего места мировой литературы.

Эфрос не был политиком, он был художником, он верил, что искусство сможет преодолеть «общественное мнение». Он слишком верил в силу и магию спектакля.

*Из книги «Предлагаемые обстоятельства:
Из жизни русского театра второй половины XX века»*

АДЖАРИЯ. ЧЕРНОЕ ОЗЕРО
Фото: СЕРГО ЭДИШЕРАШВИЛИ